

The image features a central, vertically oriented, high-relief sculpture of a stylized, symmetrical figure. The figure has a face with two circular eyes and a pointed, flame-like top. The sculpture is set against a background of intricate, repeating patterns that resemble stylized leaves or flames. The overall color scheme is dark, with shades of black and grey, creating a dramatic and textured effect.

Досыт

Сергей Зеньков

Сергей Николаевич Зеньков

Досье

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70364404
SelfPub; 2024*

Аннотация

Ещё одно произведение о Великой Отечественной войне. Скептически настроенный читатель скажет с недоверием: «Ну вот, ещё один графоман написал о том, о чём не имеет ни малейшего представления!» Отчасти этот человек будет прав. Но только отчасти! Я не был на той войне. Что же я могу знать и какое право имею писать о ней?! Право имею! Так как та война повлияла на меня, повлияла на мой характер и жизнь. Повлияла через тех людей, которые окружали меня с младенчества... Ушли в небытие мои бабушки и дед. Ушли мои родители, родившиеся в середине 30-х годов прошлого века. Ушли тётки и дядьки. Все они невольные свидетели и участники тех страшных событий. Но во мне теперешнем живёт их душевная теплота и любовь. Живёт всё то, чем они щедро одаривали меня многие годы. И я надеюсь сохранить в себе это их душевное тепло и эту их любовь. Сохранить и приумножить!

Сергей Зеньков

Досыть

Из серии «Недра души человеческой»

*Деревенские бытовые сцены
с видеопрологом и видеоэпилогом*

Действующие лица:

- Сюльжина Нина Антоновна
- Бадыкин Алексей Иванович
- Новиков Петя
- Бонова Софья
- Коренной Митя
- Гуласиков Родион
- Цуканова Татьяна

Персонажи видеопролога и видеоэпилога:

- Андрей, за 25
- Лана, за 20

Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание,

сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение...

...Это я говорю на тот страх, что мы дурными сделаемся, – продолжал Алеша, – но зачем нам и делаться дурными, не правда ли, господа? Будем, во-первых и прежде всего, добры, потом честны, а потом – не будем никогда забывать друг об друге. Это я опять-таки повторяю. Я слово вам даю от себя, господа, что я ни одного из вас не забуду; каждое лицо, которое на меня теперь, сейчас, смотрит, припомню, хоть бы и чрез тридцать лет. Давеча вот Коля сказал Карташову, что мы будто бы не хотим знать, «есть он или нет на свете?» Да разве я могу забыть, что Карташов есть на свете и что вот он не краснеет уж теперь, как тогда, когда Трою открыл, а смотрит на меня своими славными, добрыми, веселыми глазками. Господа, милые мои господа, будем все великодушны и смелы, как Илюшечка, умны, смелы и великодушны, как Коля (но который будет гораздо умнее, когда подрастет), и будем такими же стыдливými, но умненькими и милыми, как Карташов. Да чего я говорю про них обоих! Все вы, господа, милы мне отныне, всех вас заключу в мое сердце, а вас прошу заключить и меня в ваше сердце! Ну, а кто нас соединил в этом добром хорошем чувстве, об котором мы теперь

всегда, всю жизнь вспоминать будем и вспоминать намерены, кто как не Илюшечка, добрый мальчик, милый мальчик, дорогой для нас мальчик на веки веков! Не забудем же его никогда, вечная ему и хорошая память в наших сердцах, отныне и во веки веков!...

Ф. М. Достоевский
«Братья Карамазовы»

На сцене вместо занавеса белый супер (экран). До начала действия на экран проецируется афиша спектакля.

После третьего звонка затемнение.

Фоном звучит современная песня (2015 года), с которой и начинается видеопролог.

ВИДЕОПРОЛОГ

Вечер. Окраина деревни. По сельской грунтовой дороге медленно движется серебристый кроссовер. Лето, жарко, пыль. В машине Лана и Андрей. Андрей за рулём.

Лана. *(Провожает взглядом угол последней хаты, затем смотрит в зеркало заднего вида.) (Андрею) Я надеюсь, к двенадцати часам дома будем? (Открывает сумочку, достаёт пачку сигарет и зажигалку. Закуривает. С наслаждением затягивается.)* День без курева – можно с ума сойти.

Андрей. *(раздраженно, Лане) Какого чёрта?! (жёстко) Сколько раз тебе говорить – не кури в машине! У меня башка*

раскалывается от этих сладких ароматов. Сплошная химия – вся таблица Менделеева в одной сигарете!

Лана. *(курит)* Пофиг!

Андрей. Я кому говорю?! *(Пытается отнять сигарету у Ланы.)*

Лана держит сигарету, зажав между пальцев, в открытом окне на вытянутой руке.

Лана. Ты мне не муж... Нечего командовать!

Андрей. Отрава же...

Лана. Это моё личное дело.

Андрей. А ты про пассивное курение что-нибудь слышала?!

Лана. *(закатывает глазки)* Начинается... *(Делает очередную затяжку и снова сигарету в окно, несмотря на дорожную пыль.)* Ты сам захотел, чтобы я поехала, а теперь злишься.

Андрей. *(нервно)* Когда я ещё к родителям выберусь?! Сама знаешь, какой у меня график.

Лана. Вот и не нуди. *(затягивается ещё раз)* Я с самого утра курить хочу. Как приехали... я всё, как ты просил, сделала... Исполнила твою просьбу. Сигареты подальше спрятала и за целый день ни одной затяжки. Можно сказать, пай-девочка! Это настоящий героический поступок с моей стороны.

Андрей. Отец считает, что женщины курить не должны.

Лана. *(снова закатывает глазки)* Домострой какой-то!

(Ещё раз затягивается. Кивает на прямоугольный свёрток из тёмно-красного домотканого покрывала, который лежит на заднем сидении.) А портреты эти ты зачем забрал? У тебя квартира в стиле хай-тек. Куда ты их повесишь?

Андрей. *(перебивает, жёстко)* Повешу... Тебя не спрошу!

Лана. *(курит)* Я как-никак дизайнерские курсы окончила и кое-чего понимаю...

Андрей. *(раздражённо)* Дай сюда сигарету! *(снова пытается отнять сигарету у Ланы)* Кому говорю?!

Лана держит сигарету за окном между пальцев на вытянутой руке.

Андрей останавливает машину.

Андрей. Сейчас высажу – и делай что хочешь! Выбериай. *(Наклоняется, открывает дверь со стороны Ланы.)* Я жду!

Лана. *(демонстративно бросает окурок)* Форменное насилие над свободной личностью. *(закрывает дверь)*

Андрей. Помолчи, пожалуйста!

Машина трогается и медленно едет дальше по колдобинам, поднимая раскалённую пыль. Она едет к главной асфальтированной дороге. На обочине знак с названием населённого пункта «Досыть» (чёрным по белому), которое перечёркнуто по диагонали тонкой красной линией.

Затемнение.

Современная песня продолжает звучать фоном.

Белый супер (экран) поднимается.

Плавно включается сценическое освещение.

Мы видим интерьер деревенской избы, обстановка конца 70-х годов 20 века. Русская печь, шифоньер (расписанный краской под ореховое дерево), круглый стол в центре, икона в углу обрамлена расшитым рушником, большая никелированная кровать с набалдашниками накрыта белым покрывалом, на котором вышиты гладью цветы и листья. На покрывале пирамидой подушки в белых наволочках, на которых такая же вышивка. Короткие кружевные занавески на окнах. На стенах в самодельных рамах под стеклами теснятся чёрно-белые и пожелтевшие фотографии разных лет (исключительно портреты – одиночные и групповые). Вдоль стен в разных местах стоят три стула и три табуретки. У входной двери лавка, на которой эмалированное ведро с водой. Рядом с ведром литровая кружка из латуни. Нарушают эту почти музейную идиллию совершенно новая электрическая проводка, спрятанная в гофрированных трубках (белого цвета) по стенам и на потолке, новёхонькие розетки и выключатели (под евро) со светодиодной подсветкой. Ещё одна деталь явно выпадает – у окна на кухонном столике (со створками и выдвигаемым ящиком) стоит и светится неонем ультрасовременный электрический чайник.

Современная песня затихает.

А через пару секунд чайник закипает и выключается. В открытое окно слышно, как на дворе кудахчут куры и прочие звуки летней деревенской жизни. Слышится звук подъ-

ехавшего автомобиля, двигатель глохнет, два хлопка автомобильных дверей.

Входная дверь отворяется. Занавеска на открытом окне дёрнулась и затрепетала.

В избу входит Новиков, за ним Бадькин.

Новиков в длинных шортах и майке. На ногах – кроссовки на белый носок.

У Бадькина на правом плече (на одной шлейке) рюкзак из рыжей кожи. В правой руке у него – папка-блокнот, в левой – лёгкая летняя куртка. Он одет модно и со вкусом. На ногах спортивные туфли.

НОВИКОВ. (Бадькину) Проходите, пожалуйста! Вас ждут.

Оба стоят на пороге. Новиков в недоумении, Бадькин в нерешительности.

Пауза.

НОВИКОВ. (Бадькину) Ночевать будете здесь. (за печь, громко) Хозяйка!

Без ответа.

(громче) Бабушка Нина!

Снова без ответа.

(ещё громче) Нина Антоновна-а!

Пауза.

В открытом окне появляется улыбающаяся физиономия Мити Коренного.

Коренной. (Новикову) Петруха, привет!

НОВИКОВ. (Коренному) Здорово! А где хозяйка?

Коренной. Айн момент... (исчезает)

Из сеней доносится истошный крик убегающей курицы, затем звуки непонятной возни. Наконец дверь отворяется, и в избу входит взъерошенный Коренной. Он берёт медную кружку, зачерпывает ею воду, жадно и с наслаждением пьёт, ставит кружку на место.

Коренной. Третий день жара стоит невыносимая.

Коренной делает полшага и оказывается как раз между Новиковым и Бадькиным.

Коренной в чёрных широких рабочих штанах (колошины которых заправлены в шерстяные носки) и в испачканной углём белой майке. На голове замасленная кепка.

Коренной. (Бадькину, приподнимая кепку) Здравсьте!

Бадькин. (Коренному, вежливо) День добрый.

Коренной. (Бадькину) Если он действительно добрый... Оптимист вы, как я погляжу!

Новиков. (Коренному) Не приставай. Скажи лучше, где хозяйка.

Коренной. (утирает рот тыльной стороной ладони, Новикову) К Анисимовне пошла на хвилиночку. А тебе что от неё надо-то?

Новиков. Вот постояльца ей со станции привёз.

Коренной. Как я понимаю, это тот самый,... кого Сонька пригласила по поводу...

Новиков. (Коренному) Тот самый! (указывает на Бадькина) Бадькин Алексей Иванович, художник из Витебска.

Коренной: *(тщательно вытирает о штаны чёрную от угля ладонь, протягивает её Бадькину)* Будем знакомы... Дмитрий Коренной! Можно просто – Митя!

Бадькин. *(пожимает руку, сдержанно)* Очень приятно.

Коренной. *(Бадькину)* И мне... *(суетливо)* Проходите, располагайтесь, не стесняйтесь. Как говорится, «будьте как дома!».

Бадькин стоит, т. к. Коренной загораживает ему путь.

Новиков. *(Коренному)* А ты как здесь?

Коренной. *(Новикову, не сходя с места)* Антоновна позвала. Ей сегодня в раницу брикеты привезли угольные с Завода. Выгрузили у забора за хлевом и поехали.

Новиков. *(Коренному)* Нашли время.

Коренной. Она меня попросила брикеты в сарай перенести и сложить. *(Смотрит на Бадькина)* Я помогаю, мне не трудно. Кто ещё старухе поможет?... дети и внуки по городам разъехались, а зимой надо печку топить.

Новиков. *(Коренному)* Давай я школьников наших подключу из летнего лагеря.

Коренной. *(Новикову)* Я и сам... то дело кончил. Вот кабы ты ранЕй предложил.

Новиков. РанЕй дела были.

Коренной. *(Бадькину)* Проходите, мил человек, только обувку снимайте. Трудно старушке полы мыть,.. сами должны понимать.

Бадькин снимает туфли. Коренной отходит в сторону.

Коренной. *(Бадькину)* Туфли можно в сенях поставить на пол.

Бадькин ставит туфли за дверь и проходит на середину избы.

Новиков. Ну, вы тут разбирайтесь, а я – к начальству. *(Бадькину)* Сообщу о вашем приезде Алексей Иванович. Очень мы вас ждали. Ещё увидимся.

Новиков уходит. За окном звуки стартера и далее слышно, как автомобиль отъезжает и удаляется.

Коренной. *(осматривает себя, вдруг)* Ох ты ж... ешки-матрёшки! Уголёк ворочал, стал чернее ночи! Пойду в пруд окунусь, а то, как из шахты. А вы, Алексей... *(пауза)* Запомнювал...

Бадькин. Иванович.

Коренной. Иванович... присаживайтесь. Сейчас хозяйка придёт. Она на хвилиночку отлучилась. Я быстро – одна нога здесь, другая там. Пруд тут недалече, за огородом – забор перемахнуть. Я сейчас!

Коренной уходит. Бадькин садится на стул, смотрит по сторонам. Слышно, как тикают ходики. Бадькин достаёт из рюкзака сотовый телефон. Водит пальцем по экрану.

Пауза.

Входит Сюльжина. В руках трёхлитровая банка парного молока.

Сюльжина. *(увидела Бадькина)* Дождались мы гостя дорогого. *(ставит банку на столик у окна)*

(Бадькин встаёт.)

Пускай тебе счастье везде будет. *(подходит к Бадькину, обнимает)*

Бадькин. Спасибо, бабушка!

Сюльжина. Здоровья тебе, сынок, и всем твоим родным.

Бадькин. И вам, бабушка, здоровья!

Сюльжина. Сонечка мне говорила как твоё имя, да я позабыла...

Бадькин. Алексей Бадькин.

Сюльжина. А по отчеству как?

Бадькин. Иванович.

Сюльжина. Понятно!... Алексей значит, а я баба Нина. А многие Куличихой зовут...

Бадькин. Сюльжина Нина Антоновна, мне Петя про вас рассказывал.

Сюльжина. *(отходит от Бадькина)* Садись, Алексей, сейчас ужинать будем. Только Митьку нужно позвать. Он брикеты поносил и сложил, а сам сбежал куда-то... А куда? Кто его знает... Вот только видела его за хлебом... и вдруг исчез!

Бадькин. Он на пруду, пошёл окунуться!

Сюльжина. Так он уже был тут?

Бадькин. Был. Сказал, что сейчас придёт.

Сюльжина. А если так, нужно на стол собирать, да добрых гостей угощать!

Сюльжина начинает накрывать на стол.

Бадыкин. *(рассматривает избу)* Потеснил я вас, бабушка. Изба-то не очень большая.

Сюльжина. *(достает из печи чугунок с варёным картофелем, ставит на подставку на столе)* Моя изба вон там за овражком, а эта, Алексей, хата моих родителей – хоромы Антона Миныча и Веры Яновны Бежелевых. У этой хаты все венцы дубовые (от фундамента до стрехи). Эту хату мой дед (Мина Ерофеевич) ставил со своими братьями. А было у него их семеро и сестёр восемь.

Бадыкин. Венцы дубовые. Да здесь, почитай, целая роща соберётся.

Сюльжина. *(продолжает накрывать на стол)* Тут и полы доскою дудовой застелены, и стропила на крыше опять же из дуба.

Бадыкин. Невероятно.

Сюльжина. Такой избы, как эта, по всей округе не найдёшь. Сто двадцать лет стоит и ещё триста стоять будет.

Бадыкин. Откуда же такое богатство?

Сюльжина. *(носит и ставит на стол тарелки со съестным)* Мина Ерофеевич был у пана нашего Соболевского лесничим. Пан тот до охоты был очень охочим, а на охоте главный человек кто?... лесничий. Не скажу, что дружили они, однако же много времени проводили бок о бок на болоте и в лесу. Двадцать лет так прошло. И в какой-то момент решил пан наш Соболевский имение своё перестроить. И вместо деревянной усадьбы каменный дворец поставить.

Бадькин. Это часом не дом с колонами на высоком берегу реки? Мы мимо проезжали, я спросил – Петя сказал, что это школа.

Сюльжина. Он самый. Сейчас это сельская школа, а когда-то – дворец пана Казимира Соболевского. Так вот, когда старую деревянную усадьбу разобрали, Мина Ерофеевич к пану Казимиру невзначай так подошёл, когда они в лесу на вальдшнепиной тяге стояли с ружьями в руках... и ненароком так и говорит, может, в шутку, а может, всерьёз: «Продай мне, пане, тот кругляк да доски что от старой усадьбы остались... Деньгами я, конечно, не богат, но, сами понимаете, отслужить берусь всё до последней копеечки!» И тут сам Господь Бог вроде помощника – всё одно к одному сходиться начало. Вальдшнепы в тот вечер как по заказу один за одним летят, только успевай ружьё вскидывать, стрелять, да птицу битую собирать. А что собирать, когда две собаки на то дело натасканы Миной Ерофеичем. Одну собаку звали Маркиз, а другую – Садко. С такой радости пан Казимир кругляк и доски, что остались от старой усадьбы, Мине Ерофеичу по сходной цене и уступил.

Бадькин. Удивительная история.

Сюльжина. Отец мой (Антон Минович) говорил, что деньги то были небольшие... однако и не дёшево вышло. А избу эту паны Соболевские стали называть «вальдшепиною хаткой», это с лёгкой руки жены пана Казимира Натальи Андреевны, которая несколько раз была в этом доме в гостях

с мужем и детьми. Только вот для простых людей слово такое, как «вальдшнеп» слишком мудрёным оказалось... – не прижилось. Людям как надо – чтобы просто, коротко и понятно... Вальдшнеп – это по-простому говоря... лесной кулик. С той поры и стали называть люди избу эту «куликовой хаткой», а поле, что за ней, «куликовым». С этого и меня по деревне Куличихой зовут, а моих детей «куликами».

Бадыкин. Получается, дому этому 120 лет?

Сюльжина. *(ставит на стол)* Точно никто не знает.

Бадыкин. Сколько же всего помнят эти брёвна? Сколько удивительных историй могли бы они рассказать, если бы умели говорить. *(трогает ладонью стену)* Сто двадцать лет...

Сюльжина. *(продолжает накрывать на стол, между делом, с явной гордостью)* Я так кумекаю, Алексей, что больше... Деревянная усадьба Соболевского с конюшней, псарней и овином была построена отцом Казимира (ВладИславом) ещё до войны с Наполеоном...

Бадыкин. Это значит до 1812 года ...

Сюльжина. Это мне Васильевна говорила. Каких-нибудь перестроек не делалось, и пожара не было. Это она знала точно... документы мне показывала.

Бадыкин. Она что, историк?

Сюльжина. Была учительницей истории здесь в Досыти. Сорок лет ребятишек наших уму-разуму учила. Она про эти места очень много знала, много чего рассказать могла. К ней

однажды из Ленинграда профессор приезжал знаменитый. У него там что-то не сходилось...

Бадькин. А почему «ведала»?

Сюльжина. Умерла нынешней зимой. Царствие небесное подруженьке моей Анне Васильевне Хруцкой. Пусть земля будет пухом. Мы с ней девчонками всегда вместе бегали... А уже после войны – я в техникум Марьиногорский поехала, в Пуховический район, а она – в Гомель в педагогический институт имени Валерия Чкалова, на исторический факультет. Обещание друг дружке дали, что обязательно вернёмся домой. Вернулись – и всю жизнь вместе.

Бадькин. *(Прикладывает щёку к стене, просто)*

Приветствую тебя, пустынный уголок,

Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,

Где льётся дней моих невидимый поток

На лоне счастья и забвенья.

Я твой: я променял порочный двор цирцей,

Роскошные пиры, забавы, заблужденья

На мирный шум дубров, на тишину полей,

На праздность вольную, подругу размышленья.

В избу входит Коренной, за Коренным Гуласиков.

Я твой: люблю сей тёмный сад

(Бадькин смотрит в окно)

С его прохладой и цветами,

Сей луг, уставленный душистыми скирдами,

Где светлые ручьи в кустарниках шумят.

Везде передо мной подвижные картины:

Здесь вижу двух озёр лазурные равнины,

Где парус рыбака белеет иногда,

За ними ряд холмов и нивы полосаты,

Вдали рассыпанные хаты,

На влажных берегах бродящие стада,

Овины дымные и мельницы крылаты;

Везде следы довольства и труда...

(Отрывок из стихотворения «Деревня» А. С. Пушкина)

Пауза.

Коренной хлопает в ладоши, Гуласиков вторит ему.

Коренной в серых брюках и льняной рубаше навывпуск. На ногах оранжевые носки. На плечах банное полотенце с пёстрым рисунком (пусть будет Леди Баг из одноимённого мультсериала). Волосы у него ещё не высохли после купания.

Гуласиков в летнем камуфляжном костюме (песочного цвета), на ногах зелёные носки. На плече шеврон – нашивка поискового отряда.

Коренной. *(Гуласикову)* Я же говорил. У них тут вечер поэзии намечается. Пушкина в оригинале декламируют. *(Бадькину)* Алексей Иванович, позвольте вам представить моего короткого знакомого Родиона Гуласикова, командира поискового отряда «Рубеж»... *(Гуласикову)* Родион, позволь тебе представить Алексея Ивановича Бадькина. Как вы успели догадаться, Алексей Иванович личность во всех отношениях творческая... и неординарная.

Бадькин и Гуласиков эсмут друг другу руки.

Коренной. *(Гуласикову, указывает на Сюльжину, нарочито вежливо и пафосно)* Фрейлину ея Величества императрицы Нину Антоновну, вам, Родион, надеюсь, представлять не надо...

Сюльжина. *(Коренному, без злобы)* Митька, кончай дурачиться! У меня уже всё на столе. Картошка и яичница стынут. Добро пожаловать, гостики дорогие!

Гуласиков. *(коротко кланяется Сюльжиной)* Бабушка Нина, доброго вам вечерочка.

Сюльжина. *(взяла под руку Гуласикова и усадила на та-*

бурет) Садись, Родька, в ногах правды нет.

Коренной. *(Вешает полотенце на гвоздь, садится за стол)* И то правда.

Коренной и Бадькин садятся за стол. Сюльжина идёт за занавеску и возвращается с бутылкой «Столичной» (водки) в руках. Ставит бутылку в центр стола и садится с краю.

Сюльжина. Давай, Митечка, банкуй, как говорят.

Коренной. *(взял бутылку, откупорил, разливает водку по стопкам)* Как, хозяйюшка, скажешь! Мы по одной для куражу... и чтобы разговор поддержать, а там посмотрим... как сладится...

Гуласиков. Сладится.

Коренной. *(Гуласикову)* Мелким слова не давали.

Все чокаются и выпивают (мужчины до дна, а старушка глоточек).

Коренной. Я, баба Нина, к тебе сегодня на Кулички Микола Овчеренко позвал. Звоню ему в который раз – ни ответа ни привета. *(достает свой сотовый телефон, кладёт на стол)* Связь никакущая...

Гуласиков. *(с аппетитом кушает)* Так ить надо с горка звонить, тама почти всегда получается...поймать, дядь Мить.

Коренной. *(кривляет Гуласикова)* Поймать?!... Едрёну мать...!! Не набегаисся на тую горку... Вот то-то и оно, что «почти всегда!» *(Сюльжиной)* Я, баба Нина, хотел, чтобы Микола гостю нашему рассказал, как всё произошло. Из пер-

вых рук так сказать...

Гуласиков. (*кушает с аппетитом*) А что говорить?.. Я тоже из первых рук, мне Николай первому позвонил. (*Бадькину*) Он на разработках на экскаваторе торф добывал – рвал пласты ковшом...

Коренной. (*Бадькину*) Это здесь недалече (километров семь) вдоль старой узкоколейки на бывших Симанковских топях.

Гуласиков. Ковш на что-то твёрдое наткнулся, он слой верхний аккуратно снял, а там красная звезда на крыле. Николай работу кинул, на велик – и по узкоколейке напрямиком в правление к телефону.

Сюльжина. (*Гуласикову*) Какой узкоколейке? Там рельсов лет сорок как нет.

Гуласиков. (*Сюльжиной*) Рельсов нет, но шпалы-то остались... ровные шпалы. Заросце сильно, это правда, но ехать можно. (*Коренному*) Дядя Митя, скажи хоть ты...

Коренной. (*жуёт, Сюльжиной*) Антоновна, ехать можно – проверено на себе.

Гуласиков. Ну вот. Когда раскапывать начали ... самолёт почти целехоньким оказался. Только в нескольких местах (на крыльях и фюзеляже) пробоины от пуль. Представляете, с какой высоты падал, а только одно крыло отломилось и лопасти винта согнулись. Наверное, в жидкое болото шмякнулся, а там и засосало. На самолёте пушка крупнокалиберная оказалась почти без повреждений (НС -37). Она

крайне редко попадаетея...

Коренной. *(Гуласикову)* Да погоди ты, балаболка!... *(Бадькину)* В кабине нашли лётчика в шлеме, сумка командирская с картой, парашют под ним сложенный... На груди – орден Красной Звезды, а во внутреннем кармане куртки – красноармейская книжка и фотографии.

Гуласиков. *(Достаёт из своего нагрудного кармана красноармейскую книжку, две фотокарточки и орден Красной Звезды. Кладёт на стол перед Бадькиным.)* Вот. Это вам.

Долгая пауза.

Все смотрят на предметы на столе.

Гуласиков. *(вдруг схватил со стола красноармейскую книжку, развернул)* Здесь всё верно... *(читает)* Бадькин Василий Евстигнеевич, старший лейтенант... 1911 года рождения... Я через архив пробил... 25 июня 1944 года в районе деревень Молодичи, Досыть и Лисий лог произошёл воздушный бой с шестью самолётами Люфтваффе. Три наших истребителя ЯК – 9 против шестерых немецких Мессершмиттов. К сожалению, в той стычке два наших самолёта были сбиты, но немцы потеряли в том бою три...

Бадькин. *(берёт со стола одну из фотографий)* Фотография мамы *(смотрит)*. Здесь ей года три, наверное. Точно такая же есть у бабушки в альбоме.

Долгая пауза.

Все молчат.

Бадькин кладёт на стол фотографию мамы, берёт вто-

рую фотографию. Гуласиков аккуратно кладёт на стол почти истлевшую красноармейскую книжку.

Бадькин. *(смотрит на фотографию)* Бабушка Маша... совсем молоденькая. У нас такой фотографии нет.

Гуласиков. *(скороговоркой)* Там на обороте дата написана синими чернилами: «3 марта 1933 года. Лодейное Поле». Это...

Бадькин. *(перебивает)* Я знаю. Это город в Ленинградской области. Там моя мама родилась.

Коренной толкает Гуласикова, мол, «не мешай человеку». Гуласиков делает знаки Коренному – «я это делаю из лучших побуждений!».

Пауза.

Бадькин кладёт на стол фотографию бабушки, берёт красноармейскую книжку. Раскрывает её.

Гуласиков. *(не может удержаться, Бадькину)* К сожалению, в красноармейской книжке фотография очень маленькая...

Коренной. *(С силой толкает Гуласикова в бок)* Родька, закройся...

Гуласиков. *(потирает место удара, Бадькину на спяде)* А в орден Красной Звезды пуля по касательной попала, видимо, она и стала причиной смерти вашего...

Коренной. *(Гуласикову)* Дай человеку опомниться, подумать о своём. И лопочет, и лопочет без умолку... Угомонись.

Пауза, во время которой Митя Коренной медленно, но

верно наполняет стопки водкой.

Коренной. *(выдержав паузу, берёт свою стопку, встаёт)* Как говорил мой батька каждое 9 мая: «За Победу!»

Гуласиков. *(берёт стопку, встаёт)* За Победу!

Бадькин. *(берёт стопку свободной рукой, встаёт)* За Победу!

Сюльжина. *(взяла стопку, встаёт)* За Победу, дороженькия!

Все стоя выпивают и садятся.

Бадькин прячет красноармейскую книжку, фотографии и орден в рюкзак.

Все закусывают.

Коренной. *(Бадькину)* Мы тут с ребятами посоветались и решили деду твоему, Алексей Иваныч, на плиту надгробную пропеллер самолётный изготовить. Толик – сварной что-нибудь из лома подберёт, чтобы, значит, в натуральную величину... Будет, как настоящий... Шлифовку и покраску я на себя беру.

Бадькин. *(жует)* А подлинный что, не подойдёт?

Гуласиков. *(жует, Бадькину)* А подлинный, Алексей Иванович, на реставрацию увезли в область. Будут самолёт восстанавливать. Сказали, сохранность неплохая. Отреставрируют – и потом в музей.

Коренной. *(смотрит на экран своего сотового телефона)* Чего-то Миколы нет, не случилось бы чего...

Гуласиков. *(Коренному)* Микола, дядя Митя, он если по-

обещал, то придёт... Должен прийти.

Коренной. *(Гуласикову)* А тебе, Родион, пока не наливаем. Глазки вона какие осоловевшие – в кучку!

Гуласиков. Дядя Митя...

Коренной. Что «дядя Митя»? Мамка твоя опять ко мне придёт разбираться... ругаться будет!

Звук подъехавшего автомобиля, стук автомобильных дверей.

Гуласиков. Я же говорил... А вот и Николай, лёгок на помине!

Входит Бонова, за ней Новиков.

Бонова красивая и активная во всех отношениях девушка.

Бонова. *(с порога)* Доброго вам здоровьечка!

Сюльжина. *(Боновой)* Спасибо! Проходи, Сонечка, садись.

Но Бонова не спешит садиться.

Гуласиков. *(встаёт)* Здравствуй! *(демонстративно кланяется Боновой и тут же садится)*

Бадыкин. *(привстал, Боновой)* Вечер добрый!

Коренной. *(встает, ходит вокруг Боновой пританцовывая)* Здорово, кума!

Бонова. *(Коренному, задорно)* Здоровей видали! Жми на педали! У кого лисапед неказистай, а у кого кроссовер быстрой!

Коренной. *(Боновой, бойко)* Мы сегодня уже аж три раза видались, только что лбами не бодались! Ты что меня,

кума, преследуешь?!

Бонова. (*прохаживается, Коренному игриво*) Больно надо...

Коренной. (*ходит вокруг да около Боновой*) А ты всё хорошеешь!

Бонова. (*продолжает игру*) Вашими молитвами, дядя Митя!...

Коренной. (*с жаром*) Ой, гляди, девка, украду я тя... не погляжу на статус...

Бонова. А статус – он как туман, дяденька: днём облаком белым на высоте парит недосыгаемой, а ночью (да раницай) всё по овражкам да лугам по траве-мураве бархатной стелется, расой благодатной землю-матушку поит!

Сюльжина. (*Боновой, просто*) Я чайник поставлю. Пётр, заходи. Чего у порога застрял? У меня пирог с капустой. Ты же любишь... я знаю.

Новиков. (*топчется у порога, косится на Бонову*) Как-нибудь в другой раз.

Бонова. (*Сюльжиной*) Некогда нам, баба Нина. Недосуг. (*оставляет Коренного, подходит к Бадькину, протягивает ему руку*) Алексей Иванович, вы не заняты?! Две минутки найдётся?

Бадькин. (*касается ладони Боновой*) Да я, собственно... ничем не занят.

Бонова. (*Бадькину*) Вот и хорошо. (*садится рядом с Бадькиным, на то место, где сидел Коренной, раскрывает*

свою папку, перебирает листы.) Мы с вами уже знакомы заочно... Это я Вам писала и звонила...

Бадькин. Помню, помню... Вас, кажется, зовут Софья Андреевна...

Бонова. Бонова.

Бадькин. Да-да.

Коренной, пританцовывая, подходит к столу, наливает в свою стопку водки, выпивает залпом, ставит стопку на место, отходит к открытому окну.

Бонова. *(Бадькину)* У нас с вами на завтра масса дел намечено. Во-первых, в двенадцать ноль-ноль у нас мероприятие начинается – торжественное захоронение останков вашего деда, лётчика-героя. *(себе)* Во-вторых, с букетами я договорилась... Вам персонально красные гвоздики из колхозной оранжереи. Венки Петя доставит заранее...

Новиков. С лентами в цвета государственного флага .

Бадькин. *(Боновой)* Я, собственно, хотел тихо... по-семейному...

Бонова. *(Бадькину, с нежностью)* Тихо, Алексей Иванович, не получится. *(смотрит в листы)* В-третьих, оркестр духовой привезём из Светиловичей. Хороший оркестр, победитель республиканских, областных и районных конкурсов.

Новиков. *(Бадькину)* Не простой оркестр, а с почётным званием «народный».

Бонова. *(Бадькину, бойко)* У них репертуар по песням

Великой Отечественной – зашатаешься!

Новиков. (*вторит Боновой*) Просто супер (первый сорт)!

Бадькин. (*Боновой*) Но всё же...

Бонова. (*Бадькину*) Никаких «всё же». Вы, Алексей Иванович, не обижайтесь, но людям нашим тоже хочется деду вашему поклониться. Он за Родину воевал... (*просматривает листы*) Главное – ничего не забыть... В-четвёртых, дадим слово председателю колхоза Степану Никитичу, затем Родиону Гуласикову... (*Бадькину*) и вам...

Бадькин. (*Боновой*) Я, признаться, говорить не мастер...

Бонова. (*нос к носу с Бадькиным*) Никто от вас сократовского красноречия не требует... Буквально три десятка слов, но от души.

Новиков. (*снова вторит Боновой*) Всё село соберётся.

Бонова. (*смотрит в листы*) Пионеров из летнего лагеря опять же... (*и на Бадькина*)

– пятое.

Новиков. (*Бадькину*) Командир войсковой части из Вёселок отделение почётного караула выделил.

Бонова. (*глаза в глаза, Бадькину*) Это шестое.

Новиков. Они произведут торжественный залп... трижды...

Бонова. (*Бадькину*) Как положено у военных...

Новиков. (*всем*) Чин-чинарём!

Бадькин. (*Боновой*) Я не знаю, как вас благодарить, и всё же...

Бонова. *(не обращает внимания на слова Бадькина)* Корреспондент из районной газеты будет. Статью напишет и фотографию на первую полосу...

Новиков. Седьмое!

Бадькин. Это совершенно излишне...

Бонова. *(берёт Бадькина под руку)* Не надо скромничать! Вы у нас кто?

Бадькин. *(совершенно обескуражен, Боновой)* Кто?!

Бонова. *(Бадькину)* Внук героически погибшего в нашем небе лётчика. К тому же вы известный живописец, член Союза Художников, ваши картины по всему миру засвечены...

Бадькин. *(Боновой)* Какое это имеет отношение?...

Бонова. *(Бадькину, томно)* Самое непосредственное! Внук под статью деду... Восьмое -... *(встаёт, отходит от Бадькина, осматривает Бадькина с ног до головы)* У вас только этот комплект одежды или ещё что-то с собой привезли?

Бадькин. *(совсем растерянно, Боновой)* Только этот. Я на сутки всего... завтра вечером планирую уехать.

Бонова. *(снова садится рядом с Бадькиным)* Может, вам костюмчик организовать, рубашку с запонками, галстук, туфли лакированные?... *(повелительно смотрит на Новикова, тот утвердительно кивает)*

Бадькин. *(нервно, Боновой)* Боже упаси... Не стоит! Можно я в своём буду?

Бонова. *(деловито, Бадькину, нос к носу)* Хотя... если

посмотреть в современном контексте... Вид у вас интеллигентный, креативный... со вкусом...

Бадькин. *(Боновой)* И удобно...

Бонова. *(Бадькину)* Значит завтра ровно в одиннадцать тридцать *(указывает на Новикова)* Петя заедет за Вами и отвезёт на Демьянову горку.

Бадькин. *(Боновой)* Это далеко?

Бонова. *(Бадькину)* Нет, тут за околицей... У нас там кладбище сельское и обелиск односельчанам- участникам Великой Отечественной войны.

Новиков. Там и будет происходить торжественное захоронение.

Сюльжина. А рядом – магазин «Евроопт»...

Бонова. Минимаркет. Бойкое место, людное...

Новиков. Перекрёсток дорог.

Сюльжина. А сразу за “Еврооптом” кладбище еврейское, довоенное ещё...

Бонова. Да, бабушка, точно... Еврейское кладбище есть, а евреев нет.

Сюльжина. С осени сорок первого года ни одной души не осталось... Их немцы за одну ночь... всех на машины погрузили, отвезли в Тесновцы и там расстреляли. Никого не осталось... А в их домах потом полицаев поселили, что из области приехали партизан ловить...

Бонова. *(Бадькину, встаёт)* Алексей Иванович, мы на вас надеемся, мы на вас рассчитываем.

Бадыкин. *(Боновой)* Помогу чем смогу.

Бонова. *(Бадыкину)* Да ещё... Завтра после мероприятия вам надо будет заехать в правление ... Петя отвезёт. *(Смотрит на Новикова, тот утвердительно кивает)* расписаться в ведомости. Отчётность... Сами понимаете...

Бадыкин. *(Боновой)* Само собой.

Бонова. *(Бадыкину)* Паспорт у вас при себе?

Бадыкин. Конечно. *(берёт рюкзак)*

Бонова останавливает Бадыкина, крепко взяв его за руку, смотрит на Бадыкина в упор.

Бонова. *(Бадыкину)* Там для заполнения паспортные данные нужны. *(Новикову)* Петя, проследи, пожалуйста!

Новиков. *(снова кивает)* Обязательно.

Бонова. Вот и хорошо, вот и славно. *(отпускает руку Бадыкина, всем)* До завтра. *(Сюльжиной)* Будьте здоровы, бабушка!

Сюльжина. *(Боновой)* Беги, беги, стрекоза!

Бонова уходит.

Новиков. *(всем)* Да свидания! *(уходит за Боновой)*

Бадыкин. Кто это был?

Сюльжина. Сонька Бонова, дочка Андрея Сергеевича... Вся в отца... Не девка – ураган в юбке! От этого урагана у наших парней и мужиков крышу сносит начисто!!

Коренной. Не девка – огонь!

Гуласиков. Мечта поэта.

В открытое окно слышны звуки отъезжающего автомо-

бия.

Коренной. *(смотрит в окно)* Это дело надо перекурить *(достаёт пачку сигарет из кармана рубахи)*

Гуласиков. И то верно *(встаёт)*.

Коренной. А ты, Алексей Иванович, с нами? *(достаёт спички из кармана брюк)*

Коренной и Гуласиков стоят в ожидании ответа.

Бадыкин. *(Коренному и Гуласикову)* Спасибо, я не курю.

Коренной. Понятно. *(уходит)*

Гуласиков уходит за Коренным.

Бадыкин. Я хотел тихо, по-домашнему...

Сюльжина. Так оно и выйдет по-домашнему. Бабы наши соберутся – поплачут вволю... Своих родителей вспомнят... Это не только твоё торжество... это, Алексей, и наше торжество – всенародное... Чтобы молодёжь наша знала и помнила тех, кто за них жизни своей не пожалел... Чтобы помнили и с ветром летним вдыхали память эту...

Бадыкин. Ваша правда, бабушка!

Сюльжина. И ты у нас этой возможности не отнимай! Не прячь её в угол избы. Ты её людям неси, отдай всю без остатка. А люди... они тебе во сто крат вернут... добротой и уважением.

Бадыкин. *(целуют руку Сюльжиной)* Спасибо, бабушка.

Сюльжина. Ты чего это, ты чего, Алексей?!

Бадыкин. От всех Бадыкиных низкий поклон вам, Нина Антоновна, вам и односельчанам Вашим – Пете, Мите, Ро-

диону..., этой энергичной девушке Соне...

Сюльжина. *(гладит Бадькина по голове)* Это ничего... Это если от всей души... это даже полезно! А благодарить нас не за что. Потому как... что может человек другим людям отдать?! *(по той ноше и мереем)* Ежели он жизнь свою не пожалел за нас, то как же мы должны к нему... Аки к святому идти... и к мощам его прикоснуться жаждать.

Бадькин. А где они сейчас?

Сюльжина. Там, где им положено быть до погребения... во храме божем. Как в деревню заезжал, видел слева на горушке церковь деревянную!

Бадькин. Видел.

Сюльжина. Храм Николы-угодника. Памятник 18 столетия, времени Речи Посполитой *(с характерной для Беларуси архитектурой)* Он такой единственный остался.

Бадькин. А сейчас туда можно сходить?

Сюльжина. Вечер уже на дворе. Храм божий заперли. Отец Сергей домой пошел к жене и детям. Хозяйство у него – корова, куры, утки, огород 20 соток, да сад... Ты, Алексей, отдохни после долгой дороги, а завтра... всё успеется – будет день, будет и пища!

Входят Коренной и Гуласиков.

Коренной. *(кивает на Сюльжину и Бадькина, Гуласикову)* Ни на минуту нельзя их оставить. То вечер поэзии устроят, то вернисаж живописи. *(указывает на Сюльжину и Бадькина)* Живые картина в исполнении актёров больших и

малых театров...

Сюльжина. *(перебивает)* Тьфу на тебя, Митька! И что ты за фрукт (закавыка такая)! Иди сюда... что скажу...

Коренной. Уж и пошуткавать нельзя.

Коренной и Сюльжина отходят к печке.

Сюльжина. *(Коренному, суёт в руку Коренному деньги)* Вот возьми за брикеты.

Коренной. *(Сюльжиной)* Не возьму. Чего это ты выдумала, баба Нина?... Не обижай меня, честное слово.

Сюльжина. *(настойчиво Коренному)* Ты целый день работал... Как так можно? Бери, говорю!

Коренной. Сказал не возьму – и точка! А ежели ты (как в прошлый раз) мне деньги в карман сунешь незаметно. То я те деньги (даю слово) пропью,... не доводи до греха, убери ассигнации!

(Отходит от Сюльжиной, садится за стол.)

Сюльжина. «Тьфу» на тебя три раза, Митя! Храни вас всех Господь, детки! Храни тебя Боженька, Митечка!

Гуласиков. *(Коренному, деловито)* Итак, продолжим начатый на крыльце разговор.

Коренной. *(Гуласикову)* Пустое.

Гуласиков. *(Коренному)* Как это «пустое»? Я не согласен...

Коренной. *(Гуласикову)* Хорошо. Давай начистоту... Если по правде рассуждать, что мы о той войне знаем...

Гуласиков. *(Коренному)* Как «что»? Очень даже много.

Я который год из архива не выхожу...

Коренной. (*перебивает, Гуласикову*) Документы изучать в архиве – это замечательно. Документы – это само собой отражение фактов, но не более того. А ты по сути посмотри, по-человечески...

Гуласиков. (*бойко*) А по-человечески... мы всё тёплое время года на раскопках проводим...

Коренной. (*Гуласикову, от души*) Честь и хвала вам...

Гуласиков. Да не об том я, дядь Мить.

Коренной. (*въедливо*) Так и я не об том. Вот, к примеру, Антоновна... она – да! Она ту войну пережила – день за днём, час за часом, минуту за минутой. Она в войне этой великой существовала... Она есть и будет хоть и небольшой (крохотной) её частью. (*бойко*) А спроси ты её о той войне – молчит!!!

Сюльжина. (*засуетилась*) До чего же ты, Митечка, прилипчивым бываешь. Мне, когда война началась, всего семь годочков натикало... А что ребёнок может помнить?!

Коренной. Но ведь ты, баба Нина, непосредственный участник тех событий.

Сюльжина. Я, может, и участник, да не такой важный.

Коренной. (*Сюльжиной*) А что-нибудь можешь рассказать... случай какой-нибудь или историю?!

Сюльжина. (*нервно*) Я, Митечка, всё, что тогда было – забыла! Забыла и всё! А истории в книжках... Такой мой тебе ответ! (*уходит за занавеску*)

Коренной. *(Бадькину и Гуласикову)* О, видали... Что и требовалось доказать. Дед мой Григорий Аксёныч (мамин отец) тоже так вот со мной разговаривал, когда я его о Великой Отечественной спрашивал. Воевал он, танкистом был, механиком – водителем, 4 экипажа сменил, 3 раза горел, контузии и ранения, вся грудь в орденах и медалях. А спросишь – молчит! Про экипажи, контузии, ранения и прочее... это я потом уже у бабушки Варвары (его супружницы) выведал. Но один случай я, ребята, запомнил навсегда. Мне тогда было лет десять. По телику «Три танкиста и собака» показывали...

Бадькин. Польский фильм...

Коренной. *(утвердительно кивает)* Ага! Мы с сеструхой сидим в доме на диване и очередную серию смотрим. Мы такое кино ждали целый день, в программке красным карандашом помечали время, чтобы не пропустить...

Из-за занавески появляется Сюзьжина. Стоит, слушает.

Бадькин. Точно-точно! Фильмы и мультики на целую неделю...

Коренной. И тут дед с рыбалки пришел, сапоги снимает у порога, дождевик... А мы с Надюхой сидим и фильм смотрим. И далее дед ни с того ни с сего подходит и выключает телевизор из розетки. Я и малая в крик...

– Кино с приключениями, а ты...!!!

А дед посмотрел на нас... Я никогда у него такого взгляда

не видел ни до ни после. Взял он телевизор за бока (марки «Рекорд») – и в сени, а там и на двор. Мы за ним... А во дворе дед телевизор тот над головой поднял и оземь – ГАХ! Мы стоим – ни живые ни мёртвые – шевельнуться боимся!

Бадькин. (*Гуласикову*) Тогда телевизор это ого-го-го! Несметное сокровище!

Коренной. (*Бадькину*) Не говори.

А дед:

– Я дам вам приключения! Сказки людям показывают, а война это...

Дед отвёл взор и пошел, как был, в носках, по меже в огорода. С той поры я этот фильм смотреть не могу. Как отрезало!

Сюльжина. (*вдруг*) Григорий Аксёнович – он такой был человек... Сидим за столом на вечёрках, песни и припевки поём, шутки опять же, танцульки под аккордеон, а он всё молчком – слова не услышишь. А мы (девчонки) хихикаем... А потом если поднимется с лавки, то тут или расцелует с любви, или бить будет смертным боем! Вы, хлопцы, ужинайте, а я пойду. Цыплят надо в сарай загнать. (*уходит*)

Коренной. (*вслед Сюльжиной*) Адю! Передавайте привет Её Императорскому Величеству императрице...

Коренной наполняет стопки.

Коренной. (*поднимает стопку*) Ну, будем, так сказать... Все чокаются и выпивают. Далее закусывают.

Бадькин. (*Коренному*) Дмитрий, скажите откровенно,

почему вы хотите казаться хуже, чем есть?

Коренной. (*Бадькину*) С чего это вы взяли, Алексей Иванович?

Бадькин. (*Коренному*) Это видно невооружённым взглядом. И перестаньте называть меня по имени-отчеству. Я улавливаю в этом некую негативную иронию...

Коренной. (*Бадькину*) Нет никакой иронии, Алексей Ива...

Бадькин. (*перебивает, Коренному*) Этим самым вы, Дмитрий, отгораживаетесь, играете в прятки с собеседником. А я, в свою очередь, хочу услышать в словах ваших искренность.

Коренной. (*Гуласикову, кивая на Бадькина*) Как на дворянском собрании глаголет.

Бадькин. (*Гуласикову*) Ну, вот опять...

Гуласиков. (*Коренному*) Дядя Митя, в самом деле...

Коренной. (*Бадькину*) Добре, Иваныч, не бери в голову... извини, если обидел. У меня иногда бывает... настрой такой, хандра славянская одолевает. Слышал про такую? Значит, переходим на «ты» отныне и бесповоротно?

Бадькин. (*Коренному*) Переходим.

Гуласиков. Давно надо было на «ты»! По маленькой за новый этап отношений (*тянет руку к бутылке водки*)

Коренной. (*Гуласикову*) Не гони коней, Родька. (*не даёт Гуласикову взять бутылку*) Тут я банкую. За столом знамо дело хорошо сидеть, снедь да чарка – аж у пузе жарко. (*Ба-*

дыкину) Но я тебе, Иваныч, так скажу... Не тот брат, кто за столом хват, а тот друг, что тянул с тобою плуг. А самый лучший судия тут – время! Оно, знаешь... не ошибается!

Гуласиков. Недаром говорят: «Чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть».

Бадыкин. (*Гуласикову*) Люди, Родион, разные бывают. Вот ты говоришь: пуд соли надо съесть с человеком, чтобы узнать его. Ан нет! Если бы всё было так просто. Чужая душа – потёмки! И такие потёмки, что...

Гуласиков. Спорить не буду, однако...

Бадыкин. (*перебывает Гуласикова*) Был в моей жизни случай, который поменял мои взгляды кардинально. И на людей (после того) я стал глядеть более внимательно и осмотрительнее стал в поступках своих.

Коренной. (*Бадыкину*) А ну, расскажи.

Бадыкин. Было это почти что недавно... (*Коренному*) Для нас с тобой «недавно», а для них (*кивает на Гуласикова*), детей наших, это «давнина древняя». В 1985 году подал я документы в художественное училище... Аттестат мой приняли без промедления и сомнений, а вот на экзаменах по рисованию пришлось попотеть... С горем пополам поставили мне четвёрку... (*Коренному*) Ты помнишь, тогда пятибалльная система оценок была...

Коренной. Я другой и не знаю!

Бадыкин. Я расстроился страшно, так как считал себя тогда уже сложившимся художником (как минимум, моло-

дым Да Винчи!).

Гуласиков. По-доброму завидую тем, кто красиво рисовать умеет.

Коренной. (*Гуласикову*) Не перебивай.

Бадькин. Попастъ в это училище было почти невозможно. Однако же я прошёл по результатам собеседования с учётом характеристики и баллов. В сентябре мы всем кагалом поехали на месяц в колхоз. Это тогда было почти что ритуалом...

Коренной. Точно говоришь. Все студенты ездили...

Бадькин. А по возвращении (в начале октября), когда мы учиться начали, появился в нашей группе один интересный субъект – Федя БорышкОв. Экзамена по рисованию он с нами не сдавал, на собеседованиях его никто не видел. В колхозе его тоже не было... Однако в один неприметный пасмурный день наш мастер (Михаил Савич Коноплёв) привёл его за ручку и усадил за последнюю парту в классе.

Коренной. Это как же он попал к вам в группу?

Бадькин. История о том умалчивает, но факт остаётся фактом. Не стану описывать подробно его способности... Скажу сразу – учился Федя из ряда вон плохо, рисовать не умел вовсе.

Гуласиков. Интересный коленкор получается.

Бадькин. Однако все три года он с нами прошёл и диплом получил.

Коренной и Гуласиков смотрят на Бадькина с недоуме-

нием.

Коренной. Не могу понять...

Бадыкин. У всякого художника всегда найдётся набросок, которым он недоволен. И он с радостью подарит его беспоталанному однокласснику. Дошло до того, что у Феди работ стало больше всех. Правда, техника выполнения и стили различались. Но на это никто из преподавателей не смотрел. Главное – наличие работ. Однако дело не в этом. *(Накалывает вилкой кусок колбасы, укусил его, жуёт)* Мы художники и старались держать марку всегда и везде. Одевались, само собой, по моде. Где джинсы ухватишь...

Коренной: ...фирмы «Райфл» или «Монтана»!

Бадыкин. ... Где кроссовки венгерские, где рубашку чешскую втридорога у фарцовщиков. Группа – любо-дорого посмотреть. Хоть на обложку журнала.

Гуласиков. *(вторит)* Все красавцы молодые, все ребята удалые. *(ухватил пальцами кусочек колбасы на тарелке, бросил его в рот, жуёт)*

Бадыкин. А ещё у нас семь девушек в группе было... как на подбор – красавицы.

Гуласиков. Они тоже рисовали?

Бадыкин. Художницы от Бога!

Гуласиков. Круто!

Коренной. Родька, кому сказано «не перебивай!».

Коренной. Само собой, держать фасон надо! Я и брательник мой ходили по ночам вагоны разгружать, чтобы денюга

была на прикид достойный! Деньги полдела, надо ещё было знакомства в определённых кругах иметь... И, само собой, побегать... (*вдруг*) А Федя, он в сером однобортном костюме ходил, что нам в училище бесплатно выдали...

Коренной. (*Гуласикову*) Трудно было тогда хорошую вещь достать.

Бадыкин. А ещё выдали нам в начале учебного года по две серых рубашки и галстук землистого цвета на резинке. Пару ботинок с круглыми носами фабрики «Труд»...

Коренной. Помню, помню... У меня такие были. Я в них ходил коров пасти. Крепкие, непробиваемые, сносу им не было.

Бадыкина. И представьте себе... мы молодые, талантливые, энергичные, красивые, модные (на тот момент нам так казалось)... Не без тараканов в голове, но с амбициями и неисчерпаемой работоспособностью... «Гореть и никаких гвоздей, вот мой девиз...»

Коренной. «... и солнца!», Владимир Маяковский.

Бадыкин. (*с душой*) Гори, сияй, твори... А Федя в казённом лапсердаке глаза мозолит... Да ладно шмотки... Сам он был какой-то сгорбленный, неряшливый, нестриженный, зубы жёлтые, под ногтями грязь. Ладно в мастерских – куда ни шло, но он так по жизни своей шёл. Как хвостик собачий, то к одному клану прибьётся, то к другому... Ни верности в нём, ни надёжности, важное дело доверить нельзя. У нас вся группа его презирала, почти открыто презирала. Все как

один! Если и брали его в свою компанию, то только для того, чтобы он свою роль играл. А роль у него была всегда одна: подай-принеси, сбегай за сигаретами или пивом! А Федя и рад-радёшенек: и ему сигаретка обломится или глоток -другой пивка «Жигулёвского». Как сейчас вижу: стоит за открытой дверью в общаге и стакан гранёный перед собой держит. Как милостыню просит. Глеб Минин (староста наш) под такую мизансцену однажды ему в стакан трёхкопеечную монету бросил.

Коренной. Для чего?

Бадыкин. А так, от скуки. Монетка в ладошке оказалась, он и бросил...

Гуласиков. Попал?

Бадыкин. Попал. Федя разом словил. Как собачка в цирке. Что тут началось... В комнате нас было человек десять. В тот вечер какой только мелочи не полетело в Федин стакан. А Федя сопит как сыч, да монеты с пола собирает, те, что в стакан угодить не сумели. А нам, дуракам, смешно.

Коренной. Почему дуракам?

Бадыкин. *(Коренному)* А ты дальше слушай. Федя те денежки собрал и был таков, только его и видели!

Коренной. Некрасиво получилось.

Гуласиков. Вроде как обидели вы человека, унизили.

Бадыкин. Весь парадокс в том, что Федю нельзя было обидеть. Как можно обидеть того, кто не обижается! Никак не реагирует...

Коренной. Всякий человек обижается, если его обижают... Может, виду не подаёт.

Бадыкин. Не торопите события, Митя. Всему своё время. Я и сам, что греха таить, Федю за человека не считал. Более всего мне было ненавистна эта его рабская покорность. Я в столовой всегда старался подальше от него стоять. Чтобы он в очереди впереди находился. А уж когда он сядет хавать, то старался в другой стороне сидеть.

Гуласиков. Это отчего же?

Бадыкин. Была у Феде пренеприятнейшая привычка. Он когда порцию свою съедал, он поднимался и начинал ходить между столов. Выпрашивал у нас (одногоруппников) что-нибудь съестное.

Коренной. Ничего себе...

Бадыкин. Ходит с пустой тарелкой в одной руке и с ложкой в другой.

Коренной. Побирался, значит?...

Гуласиков. Это уже ни в какие ворота.

Бадыкин. Ходит такой неряшливый гоблин-вонючка в классическом сером костюме с жирными пятнами на бортах... Подходит, трётся о тебя и мямлит...: «Дай чего не жалко, пожалуйста!». А у самого нижняя губа оттопырилась балкончиком, и в ней слюни до краёв!

Коренной. Чё, правда?

Гуласиков. Фу! *(кладёт вилку на стол)*

Бадыкин. На брезгливость (сука) бьёт!... Закончилось

тем, что у Феди свой отдельный стол появился. Он сидит за ним и уплетает за две щеки. А мы по дороге на посудомойку ему объедки свои на стол ставили.

Коренной. Одуреть можно...

Гуласиков. Яси как парася после свадьбы.

Бадыкин. Ну... как объедки: кто чего не любит, или не съел (гарнир или суп положим). Оно (понятно) нетронутое, но всё ж...

Коренной. *(вдруг)* Хорошее время было, согласишься, Алексей.

Бадыкин. Хорошее! Молодые годы, друже, всегда хорошие.

Коренной. Не говори.

Бадыкин. И как ведь подлец приспособился... Тогда для нас, учащихся, всё бесплатно было.

Гуласиков. Это как?

Бадыкин. *(Гуласикову)* Все условия – учишь только! Общага – три рубля с полтиной. Форменная одежда и обувь – иди на склад получи. Краски, кисти, холсты, пластилин скульптурный, гипс, доски, красное дерево даже – выписывай и получай. Да ещё стипендию каждый месяц выдавали – на сигареты в аккурат...

Коренной. *(Гуласикову)* Советская власть на учение денег не жалела.

Бадыкин. Трескал наш Федя за пятерых (стальная ложка гнулась), однако на дежурство в столовую ходил с неохотой.

Коренной. (*поёт*) Тили-тили, трали-вали, это мы не проходили, это нам не задавали!

Бадыкин. Да его и брать не хотели. Кому охота с дурнем связываться. На одном из дежурств он каталку с чистой посудой опрокинуть умудрился (тарелки, чашки, блюдечки) на бетонный пол – всё вдребезги. Завстоловой за сердце схватилась! А Федя стоит (ни мычит, ни телится), словно он не при делах.

Гуласиков. Возместил?

Бадыкин. Держи карман шире. У него мама техничкой в школе работала. Мать –одиночка, сами понимаете... Один сын и тот сто рублей убытку.

Коренной. Хреновый работник хуже вора.

Бадыкин. Это точно! К чему это я? Ах, да... Закончил я училище, работать пошёл в кинотеатр «Мир», рисовал афиши к фильмам, а через пять месяцев призвали меня в Вооружённые Силы.

Коренной. И где служил?

Бадыкин. В учебке в России, а там в Среднюю Азию отправили.

Коренной. Жарко было?

Бадыкин. Замёрзнуть не давали... Дембельнулся я в конце ноября 89-ого и 1 декабря стоял уже на перроне родного города. Иду в парадке...

Коренной. Аксельбант, пряжечка блестит, как у кота...

Бадыкин. Как зеркало. Значки – выставка достижений

спортивной, боевой и политической подготовки! На плече – спортивная сумка «СССР». По благу её достал, не купить было. (*Коренному*) Помнишь такие сумки?

Коренной. Конечно помню. Шикардос!!!

Бадыкин. Иду весь из себя... Гляжу, а по перрону мне навстречу идёт...

Коренной. Федя БорышкОв – губа балкончиком, сопли веером.

Бадыкин. А вот и нет. Идёт мой одноклассник по художке Вася Веняминов.

Коренной. Не понял... в чём подвох?...

Бадыкин. Он сам две недели как демобилизовался. Обнялись. Слово за слово. Сели в буфете на вокзале... Разговорились...

Гуласиков. Что-то я не пойму, при чём тут этот Вася?

Бадыкин. (*Гуласикову*) Не перебивай меня, а то я что-нибудь забуду.

Коренной. (*Гуласикову*) Сейчас я кому-то добавлю на орехи... (*грозит Гуласикову кулаком*)

Гуласиков. (*Коренному*) Я молчу как рыба об лёд... (*Бадыкину, показывает жестом*) Ша!

Бадыкин. Говорили мы долго, вспоминали, как учились. И тут я ненароком про Федю БорышкОва заикнулся. Вася аж вскочил, как током его шандарахнуло.

– Ты знаешь, что я Федю Борышкова в Минске встретил. Неделю назад, когда у дядьки гостил.

– С какой стати о нём сейчас?

– С какой стати?... А ты меня послушай да и реши сам, надо или нет говорить.

Коренной. (*Бадькину*) Что-то ты мудришь, Иваныч.

Бадькин. А Вася продолжает:

– Я Федю в Минске в ресторане встретил.

Коренной. Где?

Бадькин. В ресторане. Это мне так Вася рассказывает...

– Стою, курю у туалета. И тут с улицы Федя заходит. Я, Лёха, чуть окуроч не проглотил...

Коренной. (*нервно*) Совсем ты меня, Иваныч, запутал.

Гуласиков хотел что-то сказать, но глянул на Коренного и сдержал себя.

Далее он берёт вилку и, чтобы не мешать говорить Бадькину начинает молча есть, иногда он эмоционально реагирует жестами или междометиями на слова Бадькина или Коренного.

Бадькин. А Вася продолжает:

– Федя меня увидел – в улыбке расплылся. Веришь ли... на нём плащ кожаный, джинсы (фирма) голубые, на ногах – «казаки» с пряжками. И сам он в белой рубашке, галстук – бабочка, шёлковый шарфик по бортам (узор запятайками). На правой руке – три золотых перстня, на левой – ещё два. Подходит и по-барски так мне:

– А, это ты, Васёк! Как жизнь молодая?

Я стою и глазам своим не верю. Куда девались балкончик

со слюнями, спинка сгорбленная. А Федя улыбается, фикса золотая во рту блестит.

– Я, – говорит, – по делу здесь. Скоро у тестя юбилей – надо меню утвердить, аванец внести, проверить, чтобы всё было чики-пуки.

– А кто у тебя тесть? – спрашиваю.

– Генеральный директор объединения. Я у него по снабжению... И по причёске (полубокс) ладонью прошелся. И ноготки у него, как у девицы – ухоженные.

– А ты-то как, Васёк?

– Я из Армии... Несколько дней как... с Дальнего Востока прикатил.

– А...ну-ну! – скалитя (и снова фикса во рту поблёскивает).

– А тебя что, в армию не взяли?

– Не взяли!

– Почему?

– Мне Михал Савич (мастер наш... если помнишь) такую характеристику написал, что меня не то что в армию... Словом, не подхожу! Не годен! «Невнимательный, безответственный, нельзя положиться, неадекватный»... и прочая бодяга! Таких, как я, в армию не берут!

И нахально с гонором добавил:

– Это ведь вы, придурки, жилы рвали, чтобы доказать окружающим, что вы самые лучшие. Вот и тяните теперь эту лямку да конца. А я человек маленький. Мал золотник, да

дорог. Ну бывай, Васёк, дел невпроворот.

Федя похлопал меня по плечу и как ни в чём не бывало, не снимая плаща, пошёл в банкетный VIP-зал. Не поверишь, Лёха, я стоял как оплётанный!!!

Гуласиков. Охренеть!

Коренной. Ешки-матрёшки... родился пёс у кошки!

Бадыкин. После такого Васиного рассказа достал я из своей сумки бутылку «Столичной» и мы накатили как положено.

А Вася всё не мог успокоиться:

– Ведь он лучшие (самые цветущие) годы своей жизни провёл, как распоследняя шалупонь... В то время когда мы стремились, боролись, радовались, влюблялись, стараясь завоевать сердца любимых девушек, горели и пытались светить... (как горьковский Данко). Федя этот... тлеющим угольком, тихой сапой, бледным полозом...

Коренной. Жуком навозным... в дерьме копошился.

Бадыкин. Я много видел актёров на сцене вживую, Лёха, (питерских,... московских), но чтобы так – никогда!

Коренной. И кто мог подумать.

Бадыкин. Всякому своё место, Митя! Мы все, по его мнению, придурки! Ты понял, Митя?! Тогда в 85-м в столовой он уминал казённый хавчик, затем ходил, выпрашивая у нас добавку... и уже тогда считал нас придурками.

Коренной. Облезлый лис охотнику не интересен.

Бадыкин. И я о том же... Мы Отечество защищать по-

шли, родных своих, близких, друзей, девушек любимых... И его тоже защищали, а он нас...!!! Одногруппники мои: Гриня Саврасов в Афгане погиб под Кандагаром, Аркаша Дубченко – в Армении... А он нас...

Коренной. *(сжал кулаки)* В морду надо было ему...

Гуласиков. *(рьяно)* Однозначно! *(и сразу умолк)*

Бадькин. Я Васе о том же сказал. А Вася виновато глаза опустил:

– Лёха, не поверишь, брат! Я растерялся, не ожидал такого. Ты знаешь, если надо, я в драку – не задумываясь, а тут... Стою, смотрю и глазам своим не верю. Словно и не со мной это... Словно околдовал меня кто...

Коренной. Хуже нет, когда такая вот вша, да на затылке объявится.

Бадькин. Выпили мы тот пузырь без остатка и разошлись думки думать.

Коренной. С какого края ни подходи, а всё одно вкривь-вкось получается.

Бадькин. То-то и оно, Митя, то-то и оно...

Коренной. Ты Федю этого за человека не считал. Вот он тебе той же монетой и отплатил. Вам всем отплатил с лихвой, по полному проценту на каждого. Ты думал, прыщ – мелочь... А иной прыщ и слона с ног свалит, ежели на него внимания не обращать.

Бадькин. Твоя правда, Митя! Я перед Васей хорохорился, мол, будь я на его месте – я бы сразу по физиономии

Федьке (без комментариев и объяснений), не глядя на белую его рубашонку и галстук–бабочку... А потом подумал... А кто его знает, как бы я себя повёл в такой неожиданной ситуации... Как говорил один мой знакомый художник... «проклятое воспитание!». Мы с тем Федей много пудов соли съели, три года по одной стежке ходили, а получается, уже тогда по разные стороны были... На разных планетах обитали.

Пауза.

Коренной. Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец! (*взял бутылку, наливает водку в стопки*) Раз пошло такое дело... Растеребил ты таки мою душу, Иваныч! Откровенность за откровенность... Расскажу и я тебе, Алексей, былё-побасенку одну... (*Гуласикову*) Только прошу некоторых товарищей не перебивать.

Гуласиков мычит и утвердительно кивает, т. к. у него полный рот еды.

Коренной. (*поднимает стопку*) Дай бог, не последняя... (*всем*) Вздогнем!

Коренной, Бадькин и Гуласиков чокаются и выпивают.

Пауза.

Коренной кусает маринованный огурец, пожевал его и проглотил.

Коренной. Как на духу тебе, Иваныч, поведаю. Трёх недель ещё не прошло, как событие это произошло, а я до сих пор успокоиться не могу. Произошло это в аккурат с субботы на воскресенье. У меня в воскресенье выходной обыч-

но. Пришёл я с работы домой. Не рано пришёл, да уж затемно было. Жёнка моя уже постель грела телесами и седьмой сон видела. И решил я себе чайку заварить с бергамотом и вкинуть в желудок чего посущественнее. Достал из холодильника кастрюлю с борщом. В миску алюминиевую черпаком набросал почти до краёв. И миску ту на конфорку поставил. Газ зажёл, хлебушка белого нарезал, а чайник забыл поставить. Хлопаю глазами, от усталости носом клюю. (*в сердцах*) И дёрнул же меня чёрт телевизор включить. Жена в спальне посапывает, а я в зале в ожидании сижу, торшер зажжённый обнимаю. Я телевизор этот включил, только чтобы не заснуть. Звук сделал по-минимуму, чуть слышно! (Мысли путаются.) Вспомнил про чеснок – и мигом в сени... Оторвал два зубчика от головки и в кухню. Почистил чесночок, порезал мелко... К тому времени и борщ в миске (поспел) нужную температуру набрал. Я конфорку выключил, чеснок измельчённый в борщ бросил и пошёл в зал к столу. Сижу как барин в ресторане, а шёпот от телевизора по залу стелется. А там (в телевизоре) передачку транслируют журналиста одного молодого (но, по всему видать, толкового). И говорит журналист так бойко да зацеписто – заслушаешься. Словно отец святой во храме проповедует. Есть люди, у которых тембр голоса добрый. Понимаешь?

Бадькин. Есть такое дело.

Коренной. Я и прислушался... Даже сметану в борщ забыл добавить. Если коротко (без канители) журналист тот

рассказывал о человеке одном... Володимере Катрюке. Во время Великой Отечественной войны Катрюк этот участвовал в сожжении жителей деревни Хатынь.

Бадыкин. Я читал об этом. Хатынь и её жителей сожгли не немцы, а украинские националисты (118-й шуцманшафт-батальон). Они были присланы в Белоруссию бороться с партизанами и попутно участвовали в карательных операциях по уничтожению мирного населения. А немцы только приказы присылали... да команды отдавали.

Коренной. *(утвердительно кивает)* Во-во!!! Только не это меня, Иваныч, потрясло. А то, что где-то в Канаде, в провинции Квебек живёт этот самый Володимир Катрюк. Живёт и в ус не дует. Дом у него, пасека своя, медок домашний... И вижу я на экране телевизора, как он по этой самой пасеке прохаживается и оператору ручкой машет...

Бадыкин. Как это прохаживается?!

Коренной. А вот так! Органы правосудия Российской Федерации требуют его выдачи. А канадское правительство артачится. Мол, доказательной базы у вас собрано недостаточно.

Бадыкин. Как такое может быть? Ему тогда, должно быть, лет сто.

Коренной. Девяносто три... Девяносто три года ему сейчас.

Бадыкин. А чтоб тебя!!!

Коренной. Передача закончилась, новости пошли. Я те-

лик выключил. Сижу с торшером в обнимку, словно меня кто кувалдой по черепушке оглаушил. Кусок в горло не лезет. Я торшер погасил и спать пошёл. Разделся, одежду на кресло бросил и к жёнке под бочок. Лежу, а меня аж колотит от негодования. В жар бросило, пот холодный на лбу выступил... *(вдруг)* И ты знаешь, Иваныч, эта история так меня зацепила, что я заснуть не могу. Ворочаюсь с боку на бок и все думаю... С пяти утра в поле работал... ухандохался – сил нет, а ни в одном глазу сна не предвидится. Вишь как оно выкрутило... Батяка мой в оккупацию мальцом ещё в 42-ом годе с братьями (своими) да бабкой моей Василисой Васильевной бульбу гнилую поздней осенью на поле за Кобановкой (это недалече отсюда) из земли выколупывали. Да из этой вонючей крахмальной пасты блины пекли. Ели, и за счастье было. А что делать...когда жрать нечего! А гнида эта небось в тот самый момент сало с хлебушком трескала, самогон лакала и яешню наворачивала. Давился, падла ... На пайке немецком (сука) отъедался... со товарищами своими бандеровцами, значит, за компанию.

Бадькин. Митя...

Коренной. *(в запале)* Победа грянула. Дед мой Никифор с фронта возвернулся. Радость, можно сказать, неопиcуемая! Мужиков в деревне с гулькин нос... Да много ли моя бабка Василиса Васильевна мужа своего видела... Надо было колхоз поднимать, хозяйство отстраивать. Полтора годика только и пожили они вместе после Победы. Никифор Самсоно-

вич (дед мой) слёг на месяц, да и помер... Кто говорил, от ран фронтовых, а кто меркует – от работы тяжкой. А этот упырь недорезанный в час тот, когда дед мой на смертном одре последний вздох ловил... на корабле океанском плыл в Америку. А во внутреннем кармане его документик греется заветный. Благотворительная организация ему выдала как беженцу. Сидит (тварь) и кофей с галетами трескает. И в каюте ему (потроху сучьему) тепло и уютно. А рядом с ним девушка симпатичная... И видится мне (вроде как во сне) он ей конфету подаёт и лыбится (чушок косорылый!)... Конфета вроде как «Мишка на севере», только на французский манер. А бабка моя Василиса Васильевна слезьми исходит... Детки её (сынки) в штанах с латками да в клифтах штопаных – перештопаных за юбку еёнюю держатся... и плачут!!! Обувка на них старая ... Да какая обувка-то после войны... срам один! А старший сын её Яша (мой дядя Яша) в сапогах отцовских стоит. Сапоги те стоптанные ещё берлинскую мостовую помнят. Дядю моего Жорика (Гришу) после похорон отца его Никифора Самсоновича в интернат отправили. Яков вроде кормильца... старший значицца. Средний Николай (мой батька) – вроде помощника. А Григория (Жорку) в город, в интернат – может, выучится! Да и сыт, и одет будет парень. Тут самим неча есть, а работник с него никакой. И здоровьем слаб. С мальчика-то что возмёшь... И крутит меня и вертит. Аж простыня подо мной скомкалась. Не могу глаз сомкнуть! На голом матрасе лежу...

Батя мой школу закончил... здесь в Досыти. Башковитый был... Затем техникум в Жлобине с отличием... На экскаватор пошёл работать в совхоз. Дядя Яша к тому времени женился уже, дом поставил за Днепром в Первомайском, дочка у него родилась первая... Дядя Жора в институте в Минске на первом курсе учится как положено. Крышу Василисе Васильевне справили... Любо -дорого на хату посмотреть. Дранка новая, не то что старая крыша соломенная... Всем скопом крыли и ладили... Бабушка пирогов напекла... Глядит на сынов – не нарадуется!!! А в это время где-то в Канаде за праздничным столом сидит тот пиндюк (прости Господи!) и свой день рождения празднует. В кругу семьи, чтоб мне с места не сойти...!!! И гости у него за столом холёные да толстомордые...!!! И вино у него, и коньяк, и водка... И сыр, и колбаска, и мясо, и рыбки вдоволь...и салатики изысканные, и столовые приборы, и салфеточки.... А на камине часы с канделябрами. И часы эти кожные полчаса бьют медным звоном: «Бум-бум-бум-бум!!!», а потом снова: «Тик-так, тик-так, тик-так, тик-так!!!» И как тут заснёшь, когда часы: «Бум-бум-бум-бум!!!», потом: «Тик-так, тик-так... тик -...!!!». Уши закрыл, чтобы часы не мешали...

Бадькин. Мить, а, Мить... Может, по маленькой?!... (*хочет налить, Коренной не даёт*)

Коренной. Погоди, Иваныч, не перебивай! Накипело у меня, не могу я это в себе держать.

Бадькин. Да что ты, Митя... Ты говори – я слушаю...

(кивает на Гуласикова) Мы слушаем...

Коренной. Я родился, отец с матерью комнатнушку в частном доме снимали в центре Краснополяска, на улице Тургенева. Отец тогда на заводе имени Калинина трудился, а мама до декрета на «Красном молоте» учётчицей... Отец по будням на работе, а мама моя с хозяевами-пенсионерами день-деньской кукует с грудным дитятей на руках. Пелёнки стирать надо, сушить надо, молочко купить, кашку сварить. А хозяйка (зловредная бабища) житья моей матери не давала. А вот хозяин был человек добрый. Плешатенький дедушка с бородёнкой и усиками. Как хозяйка за порог, так он сам воды наносит, на газу нагреет, да и кричит из кухни: «Пойдем, Машенька, твоего карапуза купать!». И, к примеру, в то же самое время гад этот... Катрюк... (Это мне так видится)... Приехал дом покупать новый. У него теперь будут хоромы каменные, с бассейном и оранжереей. Тьфу!... И как только таких земля носит? Не подумайте, братцы, что завидую... Но где же справедливость, а? Выходит... нет её на свете этом...

Бадькин: *(Коренному)* Может, по грамулечке для нервной разрядки? *(хочет налить)*

Коренной. Не суетись, Иваныч! Не гони волну – успеется... *(придерживает Бадькина)* Подрос я, в школу пошёл, и мы всем классом на экскурсию в Хатынь поехали. Что тут говорить... всё и так понятно. Заживо людей сжечь – нет тут срока давности и оправдания нет никакого...!!! Ворочаюсь... Пружины матраса скрипят подо мною, надо бы про-

стынию поправить... А у меня скулы от злобы сводит... Вот тебе и посмотрел телевизор в субботний день... отдохнул (едри его в кочерыжку)!!!

Бадыкин наливает из кувшина в стакан компот. Ставит стакан с компотом перед Коренным.

Бадыкин. Был я в Хатыни, пять раз был: студентов своих возил на экскурсии в разные годы по роду своей преподавательской деятельности... «Хатынь» – уникальный комплекс, мемориал памяти и скорби. Проект команды архитекторов, в которую вошли Юрий Градов, Валентин Занкович, Леонид Левин, а также скульптор Сергей Селиханов .

Коренной. Я с классом и учительницей моей (Еленой Андреевной) по мемориальному комплексу хожу. Уголок своего пионерского галстука грызу от волнения. И звон колоколов в ушах: «Бум-бум-бум-бум!!!», а потом вроде как: «Тик-так, тик-так, тик-так, тик-так!!!» А этот нелюдь (мразь) может, в этот самый день с однополчанами своими (братьями по оружию) в каком-нибудь канадском клубе участников второй мировой войны встречу отмечает. Встреча... (ёпт)... ветеранов! Сидят они, пиво, может, какое с креветками жрут. И креветки у них самые свежие, очищенные... Жрут и вспоминают, как они кровушку людскую пили, да детишек наших советских, баб и стариков в хатах жгли заживо!!! (*сильно ударяет кулаком по столу*)

Бадыкин. Митя, неудобно получается... Бабушка нас к себепустила, а ты шумишь. Не надо... (*обнял Митю за пле-*

чи)

Коренной. (*яростно*) И взмолился я, вскочил с кровати, лампадку под иконой зажёл... Зоська моя (жена, значит) спит себе (канарейка птичка певчая!) Я может и полюбил её за голосок звонкий, да за характер её лёгкий, незлопамятный... (*берёт стакан с компотом, делает глоток*) Упал я на колени и давай молиться. Как родному тебе, Алексей, говорю. Стою крестными знаменьями себя покрываю, а на сердце всё одно каменюка в сто пудов – дышать трудно!

Бадькин. (*Коренному*) Ты хлебни компотика...

Коренной. (*вдруг посмотрел на Бадькина в упор, в глаза*) Иваныч, мне до пенсии три года осталось... Я ведь дед уже – два внука, три внучки. Жизнь прожил. Про меня пусть люди скажут. В деревне все на виду – не скроешься, не спрячешься. Однако ты мне, Алексей, ответь только на один вопрос... Может, я чего не понимаю...

Бадькин. (*Коренному*) Какой вопрос?

Коренной. (*Бадькину*) Как?! Как это может быть в человеке такая безграничная фантастическая адская бездна – дыра чёрная (ни дна, ни крышки!)? Жестокость такая... Её даже скотской назвать нельзя. Ведь скотина – она с душой! Сердечная она – животинушка. А это же... Камень... и тот порой плачет! В дождь плачет или росой покрывается поутру. Это ж какую иссушенную душу надо иметь... Нет, не душу...!!! Нутро!!! Нутро какое в этом человеке поганое... Пропасть какая бездонная. В ту пропасть глянешь – сердце

от жаху остановится!!! (*берёт стакан с компотом, пьёт*)

Бадыкин. (*Коренному*) Это, брат, психология.

Коренной. (*ставит на стол пустой стакан*) Пропади она пропадом, такая психология! До петухов, Иваныч, стоял я в красном углу своей избы и лбом в пол стучал. Пока Зоська моя на дойку не поднялась. К тому времени я в каком-то полусне оказался. И как меня моя Зоска к кровати подвела и уложила, и не помню. Отрубился я и целый день (всё воскресенье) проспал как убитый. К вечеру только глаза пролупил.

Бадыкин. (*Коренному*) Не всё в этой жизни, как мы хотим, а что делать...

Коренной. И всё же не могу я смириться, Иваныч! Не могу – и шабаш!!! Хоть режь меня, хоть жги!... Не могу я смириться с тем, Иваныч, что сидим мы с тобой вот тут (горилку пьём, закусываем), а там где-то за океаном в какой-то Канаде в провинции Квебек (флаг – кленовый лист)... Там прямо сейчас ходит по своей пасеке пердун (огрызок) старый, за девяносто лет ему. Слушает, как его пчёлки жужжат, и на зарю утреннюю смотрит. У нас ведь сейчас вечер, значит, у них там утро... Я правильно рассуждаю, Иваныч?

Бадыкин. Я летал в Квебек пять лет назад. Насколько я помню, разница во времени... примерно семь часов. (*смотрит на ходики*) У нас без четверти девять, значит, у них сейчас... без четверти два по полудню.

Коренной. И я том же... Смотрит он на солнышко и радуется...! Как же это может быть, Иваныч? У меня скулы

от злости сводит. И вспоминается мне детство и уголок пионерского галстука, что я тогда изгрыз до дыр, когда по Хатыни ходил с одноклассниками. И ведь власти канадские без зазрения совести покрывают этого упыря. Не хотят отдавать его нашему правосудию. А ведь это только то, что на поверхность всплыло. А сколько таких катрюков в конце войны в американскую зону ответственности сбежало. Не счесть. В плен сдавались союзничкам нашим. А потом через гуманитарные организации (совершенно легально) по всему миру разъехались. Поверь мне на слово... Их не сотни – тысячи... Власовцы, бандеровцы, латвийские лесные братья, эстонский союз борцов, местные доморощенные коллаборационисты и так далее. Не считая самих немцев, австрияк и иже с ними...

Бадькин. Полная обойма нацистского отребья.

Коренной. Здесь счёт на десятки тысяч идёт. Десятки тысяч хорошо подготовленных головорезов и убийц с фашистской идеологией. Убийц идейных и безжалостных, уверенных в своём превосходстве над другими.

Бадькин. И все эти годы они не сидели сложа руки. Как могли пакостили нам и нашей стране... Смену себе подготовили по подобию своему.

Коренной. Вот именно! *(вдруг улыбнулся)* Намедни российская команда по хоккею с шайбой накостыляла канадцам по полной! Так я с радости выкушал самогону аж целую литру. Не один, конечно, а на пару с Лёнкой Красавиным! Он

у нас второй год как завклубом числится. Душевный парень, музыкант! *(достаёт из кармана пачку папирос, берёт папиросу, сунёт её в рот)* Пойдём, Родька, покурим...

Гуласиков. *(встаёт)* Пойдем, дядя Митя.

Коренной. Чудны дела твои, Господи. Дай нам терпения и сил, дабы победить врагов наших... *(встаёт, достаёт из кармана брюк спички)*

В дверях появляется Сюльжина. За ней входит Цуканова, русоволосая девушка в сарафане. На носу у неё – очки, в руках – папка. Манера говорить у неё чрезвычайно спокойная и соответствует её движениям и жестам.

Цуканова. *(всем)* Добрый вечер.

Сюльжина. *(встала, радушно)* Проходи, Танечка, в хату, садись за стол...

Бадькин. *(Цукановой)* Здравствуйте, милая незнакомка.

Цуканова. Я, собственно, на минуточку...

Коренной. Здравствуй, Танюша... *(разводит руками)* А мы курить.

Цуканова. *(вдруг Бадькину)* И вы тоже?

Бадькин. *(Цукановой)* Нет, у меня нет такой привычки.

Гуласиков. *(Цукановой)* Привет! Мы скоро...

Коренной и Гуласиков уходят.

Бадькин. *(встаёт, ставит ещё один стул к столу, Цукановой)* Присаживайтесь.

Цуканова. *(Бадькину)* Спасибо. *(садится, Бадькину)* А я к вам.

Бадькин. *(Цукановой)* Ко мне? Я вас слушаю.

Цуканова. *(неспешно достаёт из папки открытку, подаёт её Бадькину, встаёт)* Возьмите, пожалуйста.

Бадькин. *(Цукановой, вежливо)* Сидите, сидите. *(берёт открытку)*

Цуканова. *(садится, Бадькину)* Ученики нашего художественного класса приглашают вас, Алексей Иванович, на выставку своих работ, которая находится на первом этаже школы. Приходите завтра в любое удобное для вас время, мы будем ждать с нетерпением.

Бадькин. *(Цукановой)* А вы?

Цуканова. *(Бадькину)* А что я?

Бадькин. *(Цукановой)* А вы будете меня ждать? *(Цуканова порывается встать)* Сидите, сидите... *(усаживает Цуканову)*

Цуканова. *(Бадькину)* Конечно.

Сюльжина ставит перед Цукановой чашку с чаем.

Цуканова. *(Сюльжиной)* Благодарю.

Сюльжина. Пирог с капустой *(ставит перед Цукановой блюдечко с куском пирога)*.

Цуканова. *(Сюльжиной)* У вас, Нина Антоновна, удивительно вкусные пироги получаются. *(взяла кусок пирога, кусает, жует, заливает чаем)*

Сюльжина. *(Цукановой)* Кушай, бубачка моя дарагаценная!

Бадькин. *(Цукановой)* Вы сказали, что я могу прийти по-

смотреть выставку в любое удобное для меня время...

Цуканова. *(кушает пирог, заливает чай, поправляет очки, спокойно Бадькину)* В любое! Мне Софья Андреевна сказала, что у вас назавтра очень плотный график...

Бадькин. *(Цукановой)* Предположим.

Цуканова. *(Бадькину)* И у вас может не хватить времени посетить нашу выставку...

Бадькин. *(глядя на Цуканову)* Восхитительно!

Цуканова. *(не поняла, Бадькину)* Что именно? *(кушает кусок пирога, жует, пьет чай)*

Бадькин. *(как ребёнок, Цукановой)* Не важно. Продолжайте...

Цуканова. *(Бадькину)* У вас может не хватить времени...

Бадькин. *(Цукановой)* А у вас?

Цуканова. *(Бадькину)* Что у меня?

Бадькин. *(Цукановой)* У вас времени хватает?

Цуканова. *(Бадькину)* Для вас я его всегда найду. Если вы придёте, я открою дверь на первом этаже школы, и мы с ребятами покажем вам наши работы.

Бадькин. *(Цукановой)* То есть вы будете сидеть и ждать меня целый день?

Цуканова. *(спокойно смотрит на Бадькина)* Зачем же целый день? В 12 часов я с ребятами буду на Демьяновой горке на известном вам мероприятии, а далее у нас по расписанию обед в столовой, и затем мы все идём на пленэр «Ви-

ды реки». Пленэр будет проходить у стен школы. Занятия у нас обычно проходят часа четыре, не меньше... Если вы придёте, то мы будем на месте... *(ставит чашку на стол)*... Это же очевидно!

Входят Коренной и Гуласиков.

Цуканова встаёт.

Цуканова. *(Бадькину)* Приходите, мы будем ждать вас, Алексей Иванович.

(Сюльжиной) Нина Антоновна, а вам особое «спасибо» за чай, пирог у вас выше всяких похвал!

Сюльжина. *(Цукановой)* Не за что.

Цуканова. *(всем)* До свидания!

Коренной. *(Цукановой)* До свидания, Танюша!

Гуласиков. *(Цукановой)* Увидимся!

Сюльжина. *(Цукановой)* До свидания!

Цуканова уходит так же тихо, как и появилась.

Коренной. *(глядя вслед Цукановой)* Вот так всегда: на самом интересном месте... *(Гуласикову)* Смотри, Родион, какая девушка, а ты кисель киселём *(садится за стол)*

Гуласиков. Дядь Мить, опять ты за старое. *(садится за стол)*

Коренной. *(Гуласикову)* Тебе не с нами надо сидеть, а рядом вон с нею на берегу реки рассветы встречать... Тьфу! Пленэр!!!

Бадькин. *(читает надпись на открытке)* «... «Мой родны кут» Выставка рисунков учеников школы... С уважени-

ем, Татьяна Цуканова!» *(садится за стол прячет открытку в карман рубашки)*

Коренной. *(Гуласикову)* Эх, молодёжь, учишь вас, учишь... А вы всё, как котята слепые. Под носом счастье ходит...

Гуласиков. *(вспыхнул)* Тоже мне счастье... *(в сердцах)* Да она, дядя Митя, малохольная! Виталика Скобликова чуть спицей вязальной не заколола! В бок пырнула...

Сюльжина. *(подходит, садится за стол)* И правильно, неча руки распускать! Поделом. Виталик тот... битюг битюгом, а она, как пёрышко пуховое: чуть сильнее дыхнёшь – и улетела!

Гуласиков. Чуть Виталику глаза не выколола спицами...

Сюльжина. А вяжет она – загляденье. Мастерница – руки золотья! Кружево у неё – как мороз по стеклу прошёлся...

Гуласиков. Такая в сердцах заколет и глазом не моргнёт.

Коренной. *(улыбается, Гуласикову)* Родька, боишься её?

Коренной и Бадькин смеются.

Гуласиков. Ай, дядя Митя, чего ты в самом деле привязался?

Сюльжина. А ты, Родечка, не кипятись, и старших послушай. Татьяна... она особенная! Её дети любят. Не только любят, уважают и слушаются. А дети они как собаки – доброе сердце за версту чувуют.

Гуласиков. *(нервно)* Бабушка, и вы туда же.

Сюльжина. *(Коренному)* А помнишь, Храпова малая совсем грудничком была, ни к кому кроме мамы своей на руки не шла. Ни к отцу родному, ни к деду, ни к бабками своим. А чужого человека заметит – крик и визг на весь дом. А к Татьяне пошла. Как увидела её, рученьки свои к ней протянула – и давай смеяться... Мать её удивилась даже... А малая весь вечер на руках у Татьяны провела и потом заснула сном ангельским...

Гуласиков. Мистика какая-то.

Коренной. *(смотрит на экран своего телефона, водит пальцем по экрану)* Мистика... Не ловит.

Гуласиков. *(Коренному)* Дядь Мить, я же говорил... на горку надо идти...

Коренной. *(Гуласикову)* Не дождусь я, видать, сегодня того Миколу, а мне с ним одну справу перетереть надобно.

Гуласиков. *(Коренному)* Может, я чем пригожусь?!

Коренной. *(Гуласикову)* ПопозжА пошепчемся, время терпит. Может, и пригодишься.

Коренной наливает водку в стопки.

Сюльжина. Мне, Митечка, больше не наливай.

Мужчины выпивают, а Сюльжина только пригубила.

Все закусывают.

Пауза.

Слышно, как к дому подъехал автомобиль, аж тормоза завизжали.

Резкий стук дверной лямки.

Вбегают Петя Новиков. Вид у него заполошный. Схватил кружку, зачерпывает из ведра воду, пьёт, ставит кружку на место.

Новиков. *(тяжело дыша)* Дядя Митя, там поле горит по Лукскому тракту. Широким фронтом, мать его,... идёт. Аккурат на деревню... Краем может торфяники зацепить, а торф ничем не потушишь, ежели в глубя пойдёт. Я пожарных вызвал, они едут уже... А что коли не успеют... До Никольского храма две сотни метров осталось... Сгорит, не приведи Господи (и глазом не успеем моргнуть)... наш деревянный памятник национального значения!

Коренной. Врёшь, не возьмёшь! Петруха, созывай мужиков.

Новиков. Как, дядя Митя? Как я их созову?

Коренной. *(Новикову)* А ты на колоколенку храма заберись и бей в набат, бей что есть сил, а народ, он не дурак, он смекнёт... *(кричит)* Чего стоишь, беги...

Новиков. *(Коренному)* Я ща на машине, пять сек... и та-ма! *(убегает)*

Рёв мотора отъезжающего авто.

Коренной. *(встаёт, идёт к двери, Бадьикину)* Вишь как, Иваныч... Не получается у нас посидеть... погломонить... *(в дверном проёме сел на порог, натягивает сапоги)*

Гуласиков. *(встаёт, Коренному)* Опять какой-нибудь водила на трассе окурков непотушенный в траву на обочине бросил... Вот и полыхнуло по сухому. *(протиснулся меж-*

ду дверным косяком и Коренным в сени, обувается) Я, дядя Митя, готов! (стоит, ждёт Коренного)

Коренной. *(в сердцах на сапог) А чтоб тебя...*

Бадькин. *(встаёт) Я с вами пойду!*

Коренной и Гуласиков переглядываются.

Коренной. *(Бадькину) Дело добровольное! (Бадькину и Гуласикову) По дороге, хлопцы, ко мне заскочим, я вам плащи, сапоги и перчатки выдам. (вскакивает на ноги) Погнали. Каждая секунда дорога!*

Коренной и Гуласиков убегает.

Бадькин торопливо идёт в сени. Через открытую дверь видно, как он надевает свои спортивные туфли и убегает на двор.

Сюльжина охая и кряхтя закрывает сначала дверь на двор, а затем и в избу. Она идёт в красный угол, где на полочке стоит икона, и тихо шепотом молится. Вдруг электрическое освещение гаснет. В открытое окно слышатся: сначала колокольный набат, а затем крики людей, лай собак и пр. Полная темнота, только образ Пресвятой Богородицы с младенцем на руках мерцает, освещённый тусклой масляной лампадкой, да в открытом окне на белой занавеске чуть заметные теплятся розовые блики.

Звук набата, крики и пр. плавно переходят и в надрывную мелодию тревоги.

Но и она вдруг стихает и начинает звучать тихая мелодия ночи.

Большая пауза.

Трель соловья в саду.

Через открытое окно слышно, как кто-то тайком крадётся, кашляет.

Голос Коренного. (*шёпотом*) Иваныч, ты спишь, что ли?

Голос Бадыкина. (*тоже шёпотом*) Какое там... Мысли одолевают. Митя, это ты?

Голос Коренного. Я. Отчыни сени (сенцы). Мне вот тоже не спится... решил к тебе заглянуть.

Голос Бадыкина. А ты чего шёпотом -то?

Голос Коренного. (*смеётся*) Привычка.

Голос Бадыкина. Сейчас открою.

Слышно, как Бадыкин несколько раз пытается зажечь спичку. Наконец спичка вспыхивает. Бадыкин зажигает керосиновую лампу. Берёт её в руки, идёт в сени открывать.

Бадыкин босой, в исподнем (в белых кальсонах с завязками и в белой солдатской нижней рубахе). Кисти рук у него и лицо обожжены. Голова обмотана бинтом.

Дверная ляжка громко лязгает... в избу входит Митя. Он в солдатских галифе с голым торсом, на ногах шлёпанцы, на плечи наброшена фуфайка. Кисти рук у него забинтованы. На лице маской толстый слой сметаны. В руках он несёт бутылку с прозрачной жидкостью, гладышку (кувшин молочный) и бумажный свёрток.

Бадыкин. (*бодро, он явно рад видеть Митю*) Бегаешь,

как привидение, увидит кто – разрыв сердца получить можно!

Коренной. *(у порога снимает шлёпанцы, улыбается)* А кто увидит?! Тута все свои... Наших сметаной на лице не удивишь (не испугаешь)... *(трясёт бутылку)* Вот самогоночка... (70 градусов) и колбаска домашняя охотничья – сам делал. *(с трудом и муками разворачивает принесённый свёрток)* Ты такой в городе не попробуешь. *(кивает на гладышку)* А это сметанка... Ты ей лицо помажь... От ожогов самое то.

Оба идут к столу. Сели. Бадыкин поднимает полотенце, покрывающее стол, ставит керосиновую лампу в центр. На столе – варёная картошка в чугушке, квашеная капуста, огурчики солёненькие, в тарелке – сало домашнее нарезано и колбаса, яичница на сковородке и пр., пр., пр. А ещё – пирог с капустой.

Коренной. *(ставит бутылку и гладышку на стол, рядом кладёт развёрнутый свёрток, в котором колбаса, смотрит на стол)* Да у тебя тут спецпаёк совнаркомовский... (по высшему разряду!)

Бадыкин. Нина Антоновна сказала: «На случай, если кто заглянет.» *(достаёт из-под стола бутылку водки, ставит на стол)*

Коренной. Антоновна правильная старушка – наш человек! *(кивает на бутылку водки)* А это ты убери до поры до времени: будет, чем завтра опохмелиться.

Бадькин прячет бутылку водки под стол.

Бадькин. У меня в телефоне батарея села, хотел зарядить, а негде... Жена волноваться будет, обещал позвонить, а сам в недоступе (в недоступности)...

Коренной. По всей деревне нет электричества. На Лукском тракте три столба пожаром задело, провода порвало. Столбы деревянные – сгорели как спички. Ты сам видел! Завтра работы предстоит уйма.

Бадькин. Глаза боятся – руки делают.

Коренной. Может, на этот раз бетонные поставят. Если по большому счёту, то все деревянные столбы уже давно на бетонные заменить надо.

Коренной с трудом и болью пытается открыть бутылку с самогонем, но безуспешно.

Бадькин. *(Забирает бутылку у Коренного)* Давай я. *(Откупоривает бутылку, наливает самогон в стопки)*

Коренной не без труда берёт стопку.

Коренной. Ну, Алексей, давай за тебя!

Бадькин. *(берёт стопку)* А я за тебя, Митя!

Коренной. Дали мы сегодня жару. Только вот пёрышки малость подпалили. Ты, Иваныч, прирожденный огнеборец. По полю на тракторе по краю самого пекла...

Плугом траншею ровно, как по линейке... Глаз-алмаз!

Бадькин. А ты думал, ты один такой прыткий... трактором управлять умеешь.

Бадькин касается своей стопкой стопки Коренного, и они

выпивают.

Коренной. Ты где так наострился, маляваныч?

Бадыкин. (*закусывает*) Было дело молодое!!!

Коренной. (*с горем пополам ухватил кусочек сала, бросил в рот, жуёт*) Вот я чувствовал, чувствовал, что ты человек хороший... И спасатели молодцы (ребята),... как у них всё ловко, быстро, развернулись и накатили волной...

Бадыкин. Если бы не они, сгорела бы церквушка, памятник зодчества.

Коренной. Мы тоже не лыком шиты, подсобили им малость!

(Бадыкин наливает по второй)

Давай за спасателей, самоотверженные хлопцы. (*поднимает стопку*)

Бадыкин. И за всех, кто им помогал. (*поднимает свою стопку*)

Коренной. За тех, кто сейчас на посту своём покой наш бережёт!

Неуклюже чокаются, выпивают.

Бадыкин берёт солёный огурчик, сунул его в рот Коренного.

Коренной. Гранд мерси!

Бадыкин. А колбаски? (*накалывает вилкой кусочек колбаски*)

Коренной. Не откажусь. (*Бадыкин вилкой кладёт в рот Коренному кусочек колбасы*) А ты мою охотничью попробуй!

Бадькин. Непременно. *(взял кусочек охотничьей колбасы, кладёт в рот)*

Коренной. И как?

Бадькин. *(жуёт)* Мишленовский ресторан отдыхает.

Коренной. *(улыбается)* То-то же!!!

Бадькин. *(жуёт, гладит себя по коленке)* Соня эта... как в воду глядела, придётся костюм искать на завтрашнее мероприятие... Не знаю теперь, в чём домой поеду!

Коренной. Не бойсь, братишка, чего-нибудь подберём. Главное, что живы пасля такого вОгнища засталИся.

Бадькин. Это да, это точно.

Коренной. Будем живы – не помрём!

Бадькин наливает ещё по одной.

Бадькин. Будем!

Выпили не чокаясь и сидят молча.

Пауза.

Коренной. *(вдруг)* А Родька Гуласиков отважный малЕц.

Бадькин. Геройский... Это он тебя за воротник бушлата вытащил из пылающей кабины. Я бы не успел... Мне до тебя метров пятьдесят было.

Коренной. Я и не понял, что произошло... Хлопок!... Мигом полыхнуло – секундное дело! Пожарные вовремя подбежали. А Родька, он... *(вдруг замолкает)*

Большая пауза.

Бадькин. Худой, а жилистый!

Коренной. Наша косточка! Анастасия (мамка Родьки-

на) забор собирается горючить на выходные, надо бы подсобить... (с досадой смотрит на свои забинтованные руки)

Большая пауза.

Бадькин посмотрел на Коренного и вдруг начинает смеяться.

Коренной. Чего? (пауза) Ну чего?

Бадькин. (смеётся от души, всё громче и громче) Ну и рожа у тебя, Шарапов!

Коренной. (улыбается) На себя посмотри. (начинает смеяться)

Оба они заливаются весёлым заразительным смехом, который может родиться только в такой вот момент.

Смех этот разносится эхом и летит к облакам...

Керосиновая лампа мерцает и медленно гаснет.

Темнота.

Тишина.

И откуда-то издалека нарастает шум поднимающегося пассажирского лифта. Затем лифт останавливается. Слышно, как створки двери лифта отворяются и через несколько секунд затворяются. И далее глухие торопливые шаги по бетонному полу многоэтажки.

Белый супер (экран) медленно опускается.

ВИДЕОЭПИЛОГ

В темноте щёлкает замок, дверь отворяется. Входит Андрей, включает электрическое освещение, за ним вбегает Лана. Мы видим просторную квартиру – студию в стиле

хай – тек. У Андрея под мышкой прямоугольный свёрток из тёмно-красного домотканого покрывала.

Лана. *(бойко) Я в ванную... Срочно в душ... (бросает сумочку на столик, убегает в ванную комнату)*

Андрей кладёт свёрток на диван, бережно разворачивает его. Ставит на сидение дивана, облачивая на спинку, сначала один портрет...

Андрей. *Ефросинья Алексеевна...*

А затем и другой.

...Иван Сергеевич...

Андрей аккуратно складывает покрывало, кладёт его на стеклянную крышку журнального столика. Самодельные незатейливые деревянные рамы на портретах совсем не вписываются в данный интерьер.

На первом портрете молодая – девушка с косичками. Она в гимнастёрке с сержантскими погонами, на груди – две боевые медали. На втором – парень в фуражке. На нём китель с погонами капитана. На груди – три ордена и пять медалей.

Андрей включает стереосистему, садится в кресло напротив дивана.

Он сидит и смотрит на портреты.

Пауза.

Из ванной комнаты выходит Лана. Она в домашнем халатике.

Лана. *Не могу найти гель для душа.*

Без ответа.

Лана подходит к Андрею. Садится на подлокотник кресла, на котором сидит Андрей. Обнимает Андрея за шею.

Лана. *(смотрит на портрет парня)* А ты заметил – он на тебя похож.

Андрей. Это не он на меня, это я на него.

Пауза.

Лана. *(целует Андрея в щёку)* У нас, Андрюша, в каждой семье Бессмертный полк. У моего отца в кабинете в книжном шкафу на полках пять портретов стоят, только размером поменьше... Пять одиночных портретов: мой прадед и его братья... Из них всего один с войны вернулся!... Один! *(вдруг)* А если бы не вернулся – меня бы не было.

Андрей берёт пульт, нажимает кнопку «Пуск».

Звучит песня «Родина» в исполнении С. Трофимова (Трофима).

Андрей и Лана сидят и смотрят на портреты.

Стоп-кадр.

Затемнение.

Белый супер (экран) поднимается.

Включается освещение. На сцену на поклон выходят актёры и актрисы.

Песня Трофима продолжает звучать...

2023 г.

Гомель

